

Владимир Мацкевич

Переоценка ценностей в культуре и истории Беларуси

Владимир Мацкевич
Научный редактор Алексей Ластовский, канд. социологических наук

ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ В КУЛЬТУРЕ И ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

Оглавление

Предисловие

Настоящая книга развивает идеи трех больших игр, которые проводились Центром социальных инноваций и Агентством гуманитарных технологий[1] в рамках реализации программы культурной политики. Начало было положено в 2006 году на организационно-деятельностной игре «От общих оснований — к солидарным действиям: программа участия Беларуси в процессе европейской интеграции», которая была организована при содействии фонда «Erinnerung, Verantwortung und Zukunft» и в сотрудничестве с народной школой Мариашпринг[2] (близ Геттингена) в Германии. В продолжение работы над темой была проведена конференция «Десоветизация и экран массового общественного сознания в Беларуси». В 2007 году, продолжая работу, мы акцентировали внимание на проблемах гражданского образования: в марте состоялась организационно-деятельностная игра «Гражданское образование: продолжение или начало», а затем была создана Концепция граж-

[1] Агентство гуманитарных технологий (АГТ) — неформальный философский и аналитический кружок, образованный В.Мацкевичем в 1994 году, имевший разные формы существования. С 2007 года АГТ представляет собой аналитическую группу в ОО «Центр социальных инноваций».

[2] Все последующие игры также проходили в Народной школе Мариашпринг (Германия).

данского образования и вышла книга «Становление нации в Беларуси: от подданства к гражданству».

Следующим этапом стало обращение к проблемам культуры и истории. И уже в 2010 году состоялась очередная организационно-деятельностная игра «Разработка программных и стратегических предложений развития культуры Беларуси: от десоветизации к европеизации». Эта игра имела продолжение в эффектах разного порядка. Так, после игры участвовавшие в ней деятели культуры провозгласили «Декларацию единства культуры» (в определенных кругах это направление стали называть «Гёттингенским процессом»). Затем был прочитан курс публичных лекций о проблемах управления культурой и культурной политике. В этот же ряд должна быть поставлена и настоящая книга.

На игре 2006 года для культурной политики современной Беларуси была предложена формула «*десоветизация — беларусизация — европеизация*». Даже в самом идеализированном виде эту формулу сложно представить как последовательность трех шагов. Скорее, все три процесса разворачиваются параллельно. Невозможно откладывать европеизацию до того как закончится десоветизация. Да и может ли десоветизация закончиться в обозримые сроки целиком и полностью? Преодолевая наследие советского прошлого частями и фрагментами, мы одновременно проводим и беларусизацию и европеизацию. В каждом из этих процессов свое содержание и свои проблемы. Но и постановка проблем и способы их решения определяются не имманентным содержанием процессов, а комплексом факторов прошлого, настоящего и будущего. Сложность состоит еще и в том, что мы не можем даже провести четкую границу между прошлым, настоящим и будущим. В чем-то мы уже европеизированы, и будущее присутствует здесь и сейчас, в чем-то мы еще в плену советского, и поэтому прошлое сосуществует вместе с будущим.

Несколько лет назад мы открыли серию маленьких книг под общим названием «Беларусь для начинающих». Первоначально имелось в виду, что «начинающие», которым мы адресовали эти

книги, — это те, кто приезжает в Беларусь, только начинает с ней знакомиться. Поэтому книги издавались сразу на двух языках — русском и английском. Но затем нам пришлось расширить толкование «начинающих». В каком-то смысле мы все в Беларуси — начинающие. Как только мы углубляемся в какие-то проблемы или темы, мы обнаруживаем, как мало эти темы проработаны и на каких дальних подступах мы находимся в решении стоящих перед нами проблем. Поэтому адресация книг серии «Беларусь для начинающих» расширилась. Эти книги предназначены не только тем, кто впервые знакомится со страной, но и тем, кто в самой стране включается в решение общих проблем.

Исторический период существования независимой Беларуси ничтожен в масштабах истории — всего лишь 20 лет. Мы все начинающие. Начинающие новый период истории страны. И как всякие начинающие, мы не всегда умеем делать то, что должны, и даже не всегда знаем, а что же, собственно, мы должны делать. Тема этой книги была сформулирована в дискуссиях с представителями сферы искусства и деятелями культуры о европейских ценностях, включая демократические свободы и права человека. Основной проблемой дискуссии стало участие деятелей культуры и искусства в распространении европейских ценностей и то, как это совмещается с развитием самой беларусской культуры. В определенные моменты дискуссии ценности и идеалы беларусизации и европеизации начинали противопоставляться друг другу — во всяком случае, на уровне индивидуального самоопределения деятелей культуры. Принимая как абстрактные беларусизацию и европеизацию, каждый субъект и деятель решает для себя, а что именно он делает в этих процессах и каков его личный вклад в них.

Одному из трех фундаментальных процессов в современной Беларуси — десоветизации — в программе наших работ мы посвятили целую конференцию, разбирая в ней в том числе роль и место деятелей культуры. В этой книге мы сосредоточимся на европеизации, а точнее — на роли, месте и значении культурного развития, а также деятельности представителей сферы культуры и искусства в

продвижении и развитии европейских ценностей в современной Беларуси. То есть тема этой книги и проблемы, которые в ней поднимаются, находятся на пересечении процессов европеизации и беларусизации. Ни сама тема, ни затрагиваемые проблемы не могут быть исчерпаны не только одной книгой, но и многолетними исследованиями и дискуссиями. Мы в самом начале процесса. Мы сами начинающие и пишем для начинающих.

Как и всякий текст, эта книга имеет автора, но это авторство весьма условно. Автор всего лишь представил часть своих размышлений над материалом многочисленных и многолетних дискуссий. Автор мог бы признать своими соавторами всех участников организационно-деятельностной игры ««Разработка программных и стратегических предложений развития культуры Беларуси: от десоветизации к европеизации», а также участников методологического семинара Агентства гуманитарных технологий, готовивших эту игру и анализировавших ее результаты. Основным оппонентом и критиком при создании книги была Татьяна Водолажская. Эта книга была бы несоизмеримо беднее без материалов, предоставленных автору Андреем Егоровым. Соавторами можно назвать и наших коллег из народной школы Мариашпринг (ее руководителя Вольфганга Борхардта) и фонда «Erinnerung, Verantwortung und Zukunft», которые все эти годы поддерживают нас и содействуют работе над проблемами десоветизации и европеизации Беларуси. Такое количество соавторов вовсе не означает, что представленные в этой книге тезисы и суждения разделяются всеми участниками названных дискуссий. Эта книга всего лишь реплика, требующая ответов и продолжения.

Введение. История как культурная традиция: контекст и методологические рамки дискуссии

Споры о беларусской культуре не утихают на протяжении уже полутора столетий. В этих спорах культура рассматривается и критикуется с самых разных позиций и в разных аспектах: от онтологического вопроса о существовании беларусской культуры как самостоятельного феномена и до технологических вопросов управления культурой, производства и употребления вещей культуры. Особое место в этих спорах занимает вопрос о родовой принадлежности беларусской культуры. Родовой в логическом смысле, то есть об отнесении беларусской культуры к более общему целому. В этом отношении сформировались несколько конфликтующих позиций, иногда пересекающихся по своему содержанию, иногда категорически абсолютизирующих одну из версий. Назовем некоторые из них, выделяя те, что имеют богатую традицию обоснования или находятся сейчас на этапе активного формирования такого обоснования. Две наиболее традиционные и распространенные

позиции относят беларусскую культуру либо к европейской, либо к русской родовой культуре, противопоставляя их друг другу. Первая традиция апеллирует к многовековым войнам Великого княжества Литовского с Московским княжеством, а позже с Россией. В этом историческом процессе подчеркиваются общие с европейскими черты и характеристики беларусской истории, политики, искусства, общественного и бытового уклада. Альтернативная позиция опирается на традиции православия, сходства языков, родственные связи представителей правящего класса и иную версию истории, в которой перечисленные выше войны велись за освобождение беларусов от господства польских и литовских правителей. Эти две позиции представлены богатой научной и полемической литературой. Внутри каждой из этих позиций можно выделить как компромиссные, так и радикальные течения.

В последнее время разрабатываются подходы и позиции, противостоящие двум названным. Они, так или иначе, утверждают уникальность и обосновывают отличие беларусов и беларусской культуры как от европейской, так и от русской («крыўская» и «ліцьвінская» традиции, хотя адепты этих направлений могут и не согласиться с нашей оценкой их подходов.). Эти подходы подчеркивают особость и автохтонность беларусской культуры в более или менее радикальном варианте. Так, беларусскую культуру относят к особой балтской общности или связывают между собой славянские и балтские особенности и взаимовлияния в формировании беларусской уникальности. Более радикальные варианты обосновывают автохтонность и полную независимость беларусской культуры и традиции от всех перечисленных общностей.

Эта длительная полемика представляет для нас интерес в нескольких рамках и аспектах.

Первый аспект связан с длительностью самой дискуссии. Общественные дискуссии часто длятся десятилетиями, но если за полтора столетия они не были разрешены, то это означает, что у проблемы нет простого решения, а также что углубление и усиление обоснований к решению привести не сможет. Столь длительно дискути-

руемые общественные проблемы решаются не через победу одной из версий за счет обоснованности, а через переформулирование самой проблемы.

Другой аспект, представляющий для нас интерес, связан с направленностью в поиске обоснований и аргументов на прошлое, на историю. Тогда как нам представляется, что острота дискуссии и мотивация участвующих в ней сторон лежат в современном самоопределении и выборе путей развития, то есть в настоящем и будущем. В этом смысле важно не столько разобраться, чем и какой была беларусская культура в прошлом, сколько связать это прошлое с тем, какой ей быть в будущем.

Третий аспект полемики касается участников этой длительной дискуссии. На всех этапах этой дискуссии в ней принимал участие небольшой круг профессиональных позиций — историки, писатели, философы, деятели культуры. Иногда к ней подключались священники различных конфессий, реже политики, менеджеры и специалисты в области гуманитарных технологий и практик. Наиболее яркий период, когда политики стали самыми активными участниками этой дискуссии, — это период развала Российской империи и попытки учреждения независимой беларусской государственности (БНР). После того как эта попытка не удалась, политики ограничивались принятием решений, влияющих на культуру и культурную жизнь, но мало интересовались ходом и содержанием продолжающейся дискуссии в среде писателей и ученых. Второй период активизации политиков приходится на 80—90-е годы XX века, когда Беларусь стала суверенным государством. Но эта активность не привела к ослаблению дискуссии и не приблизила к ее разрешению. Очередной всплеск характеризует и современную ситуацию начала XXI века. Сама дискуссия в этот период осложняется необходимостью геополитического выбора.

Два десятилетия существования независимого беларусского государства характеризуются именно тем, что Беларусь не определилась с геополитическим вектором своего развития. Не только

различные общественно-политические силы ориентированы в разных направлениях (на союз с Россией или сближение с Евросоюзом), но и актуальная политика беларусского государства характеризуется регулярными переменами ориентации. При достаточно громкой декларации «родства» с Россией и политического союза с ней беларусская внешняя политика напоминает движение парусника, продвигающегося галсами. При этом общий тренд скорее отдаляет от России, хотя и не приближает к Европе. Такая несамоопределенность в актуальной политике объясняется тем, что в предшествующие периоды так и не было найдено решения в описанной выше дискуссии. Такого решения, которое если не установило бы «истину», то хотя бы легло в основание политики.

В свою очередь, сам затяжной характер дискуссий о культуре связан с тем, что геополитический выбор не сделан. Но в те периоды, когда Беларусь была всего лишь провинцией Российской империи, а потом СССР, геополитический выбор представлялся абстракцией или очень далекой перспективой. Поэтому можно было не торопиться с самим выбором, его просто некому было бы реализовывать. Субъектом реализации геополитического выбора является суверенное государство. Сейчас такой субъект существует, и отсутствие самоопределения является существенным фактором торможения в развитии как страны, так и беларусской культуры. Причем этот субъект, то есть беларусское государство, легко могло бы принять один из вариантов геополитического выбора, если бы этот выбор был обеспечен общественным согласием. Но проблема состоит именно в том, что в гражданском обществе Беларуси, в среде деятелей культуры и науки и в общественном сознании такого согласия нет. Поэтому дальнейшее затягивание дискуссии о беларусской культуре и «решение» вопроса о ее родовой принадлежности в наше время носит не только академический характер и не может быть уделом только историков, философов и деятелей культуры. Это проблема всего общества в целом.

Какого бы представления о культуре мы не придерживались, мы понимаем, что все происходящее в культуре и с культурой определяется не только и не столько объективным ее состоянием, но и — в гораздо большей степени — осознанием, рефлексией и интерпретацией носителей этой культуры. И это понимание побуждает нас обратиться к методу интерпретации, рефлексии и осознания обществом всего, что связано с культурой, традицией и историей.

Одним из наиболее значимых пространств, в которых происходит рефлексия и осмысление беларусской культуры, является история. Современная историческая наука в Беларуси представляет собой пространство конфликтов и споров, в которых участвуют не только специалисты (ученые-историки), но и идеологи, политики, гражданское общество. История Беларуси сейчас не просто пишется, но переписывается. И мы вынуждены с этим считаться. Однако сама констатация этого факта пугает прежде всего тем, что процесс переписывания истории отсылает нас к опыту тоталитарного прошлого. В Советском Союзе история переписывалась под идеологические цели и задачи. До сих пор в академической науке Беларуси активно действуют те, кто участвовал в советской практике переписывания истории. Однако большая часть современных беларусских историков не принимают этой практики. Но и они вынуждены переписывать историю, помня о том, как она была переписана в недавнем прошлом. В этом переписывании они руководствуются этосом ученого-историка, который понимается как необходимость восстановить объективную историческую картину и заменить ею искаженную «идеологическую» историю страны. Но этос ученого-историка (стремящегося к объективной истине) входит в противоречие с практикой исторических исследований, реализуемых носителями этого этоса.

Это противоречие состоит в том, что история пишется и переписывается, и в этом переписывании участвуют разные поколения историков. Сторонники советской версии истории Беларуси упрекают новое поколение историков в том же, в чем новое поколение

упрекало их, — в искажении истории. Что может гарантировать объективность и истинность исторической картины? Этот вопрос переводит проблему в плоскость критики исторического метода, но в данном тексте неуместно разворачивать полноценную его критику[3]. Мы ограничимся здесь лишь констатацией общих принципов в отношении истории, исторической науки и исторического обоснования в решении проблем культуры и геополитического выбора. Это принципы, которые задают рамки для исторических апелляций и работы с историческим материалом, представленных в данной книге.

Первый принцип. Исторические факты и события мы обязаны воспринимать как объективную реальность, но при этом помнить, что историческая наука занимается установлением этих фактов и событий. Она устанавливает факты по свидетельским показаниям, косвенным признакам, материальным (или вещественным) доказательствам. *Необходимо различать объективность фактов (исторических фактов и событий) и объективность исторической науки, которая является деятельностью по установлению этих фактов.* Объективность деятельности состоит в соблюдении законов доказательства, опровержения и сомнения. К фактам мы относимся объективно, а к исторической науке мы относимся как к деятельности по установлению этих фактов, а не как к каталогу, собранию фактов. Историческая наука — это борьба доказательств и опровержений наличия или отсутствия фактов, а не сами факты. Поэтому переписывание истории состоит не в отмене или придумывании фактов, а в доказательствах или опровержениях, сомнениях, выдвижении гипотез, поиске новых доказательств.

Второй принцип. Даже доказанные исторические факты не содержат сами в себе деятельностных оценок этих фактов. Может

---

[3] Все критические посылы в область исторической науки, которые здесь приводятся, уже давно стали распространенными в современной методологии истории, однако в Беларуси они еще не общеприняты ввиду ряда причин*(прим. науч. ред.)*.

быть с достаточной степенью достоверности установлен факт войны на некой территории в конкретном году. Но характер (освободительный или захватнический) этой войны не имеет объективного выражения и может быть приписан только извне исторической науки. Порой невозможно определить объективного статуса победы или поражения. Все это попадает в зону исторических интерпретаций, а не объективного содержания. Переписывание истории, при котором одни факты учитываются, а другие замалчиваются, — это недопустимое переписывание. Но *переписывание истории более чем уместно в интерпретациях характера и значения этих установленных фактов.*

Третий принцип. Переписывание истории не всегда ведет к отличию одной системы интерпретаций от другой. При переписывании возможны повторения, в пределе переписывание может быть копированием. То общее, что присутствует в различных версиях и интерпретациях истории, становится традицией. История народа, воспроизводимая в различных версиях переписывания и интерпретациях, представляет собой совокупность традиций, определяющих культуру народа и нации. Таким образом, *писанная и переписанная история в одном модусе своего существования выступает как наука, а в другом — как зафиксированная культурная традиция.*

Четвертый принцип. *История как культурная традиция помимо фактов и системы интерпретаций включает в себя систему оценок.* Фактам, событиям, историческим персонажам придаются идейные и идеологические, этические и эстетические смыслы и оценки. Некоторые события идеализируются и даже сакрализуются, исторические деятели и персонажи героизируются либо демонизируются. Чаще всего история переписывается именно с целью переоценки и пересмотра этих компонентов. История как наука в меньшей степени подвержена изменениям, а история как основание культурной традиции — в большей степени.

Пятый принцип. Объективное значение и даже объективированные интерпретации того или иного исторического факта в малой степени изменяются при повторении этого факта в различных

текстах. Но для формирования культурной традиции количество повторений имеет первостепенное значение. Исторический факт не изменяет своего объективного значения, вне зависимости от того, становится ли он содержанием художественного произведения, и практически никак не зависит от эстетических достоинств этого произведения. *А для формирования и трансляции культурной традиции эстетическое и эмоциональное воздействие художественного произведения или художественной интерпретации может иметь решающее значение.*

Шестой принцип. Профессиональные ученые-историки, вовлеченные в переписывание истории, являются не единственными деятельными участниками этого процесса. *Процесс переписывания истории базируется на научных исследованиях и изысканиях, но по большей части складывается из популярных, учебных, полемических и публицистических текстов. Центральное место в этом процессе отведено художественным произведениям и интерпретациям.*

Таким образом, развитие дискуссии о культуре и геополитическом выборе, а тем более достижение общественного согласия по этому вопросу требует не только исторических изысканий. Они дают лишь объективированное содержание. Необходимы организация интерпретации, оценки и переоценки установленных фактов в общественной коммуникации, включение их в культурный процесс. Поэтому проблему мы видим прежде всего в том, как организована общественная коммуникация по важным и насущным вопросам, как видят свое место и назначение ее участники — деятели культуры, историки, политики, ученые и т.д. И одно из главных препятствий для нормальной организации этой коммуникации состоит в превратных представлениях о культуре и культурном процессе, о возможностях управления культурой, обсуждения ценностей и их переоценки, о месте и значении искусства в этих процессах.

В данной книге мы попытаемся раскрыть представления о культуре, которые способны запустить рефлексию не только ее объек-

тивного содержания, но и рефлексию деятельности прежде всего деятелей искусства и культуры, их места и назначения в культурном процессе и общественной дискуссии.

Книга состоит из двух частей. Первая часть посвящена представлениям о культуре, а вторая — вопросам восстановления европейской истории Беларуси.

Как отвечать на вопросы истории и практики в культуре? Представления о культуре и культурном процессе

Что можно отнести к культуре, или логический объем понятия «культура». Переоценка ценностей: моральное право и общественная практика. Можно ли о ценностях спорить и договариваться? Аргументы искусства в культурной коммуникации. Художественное творчество и коммуникация: барьеры и стереотипы. Рационализация творчества, или можно ли заказать вдохновение?

Проблемность и острота современного состояния беларусской культуры могут быть зафиксированы в следующих практических вопросах: «Какую историю нужно преподавать беларусским детям: из советских учебников, из учебников первых лет независимости или из учебника Трещенка ?»; «Обеспечены ли равные условия для развития беларусского и русского языков в стране, если Конституция предусматривает два государственных языка, и не делается никаких различий в требованиях к употреблению?»; «75% беларусской музыки в эфире — хорошо это или плохо?» — и т.д. Но здесь для разворачивания своих рассуждений о культуре мы ограничимся таким наивным вопросом: «Зачем и почему разрушаются архитектурные памятники и является ли это проявлением бескультурья?» Разрушение архитектурного наследия является актуальной проблемой не только сегодняшнего дня, но продолжается в Беларуси на протяжении нескольких столетий. Ответ на этот вопрос можно не искать глубже XVIII столетия или эпохи Просвещения. До эпохи Просвещения памятники архитектуры разрушались, можно сказать, естественным образом — и силами природы, и с участием людей. Но ответственность людей за это в те времена должна обсуждаться в иных категориях, чем после эпохи Просвещения.

Эпоха Просвещения становится отправной точкой потому, что это время, когда категория культуры была отрефлексирована и сформулирована в значении, близком к современному. Нельзя относиться к чему-то как к культурному наследию, если отсутствует понятие культуры[5]. При отсутствии понятия культуры сооружения и вещи

---

[4] Яков Трещенок — автор учебника для высших учебных заведений «История Беларуси. В 2-х частях», который с 2003 года стал активно вводиться во все учебные заведения исторического профиля. Пример крайне тенденциозного обращения с историческим материалом.

[5] Понятие культуры в том виде, в каком оно было сформулировано в эпоху Просвещения, формировалось в течение более чем трехвекового осмысления и рефлексии, начиная с увлечения наследием классической древности у итальянских гуманистов раннего Возрождения и заканчивая Гердером и Гете, преодолевавшим мировоззрение классицизма.-

воспринимаются как чья-то собственность. Соответственно, и относятся к ним просто как к предметам собственности. До определенного времени владельцы перестраивали принадлежавшие им дворцы и дома, крепостные стены средневековых городов разбирались на строительные материалы по мере того как утрачивали свое утилитарное, оборонное значение. И только романтики эпохи Просвещения научились видеть в древностях и руинах нечто, представляющее самостоятельную ценность, усматривать в них культурный смысл и значение. Но разрушение и перестройка с достижением такого понимания не прекратились (причем мы не рассматриваем экстремальные случаи военных действий или революций). Конечно, можно предположить, что постпросвещенческие и современные разрушители архитектурных сооружений не имеют понятия о культуре, а поэтому живут вне ее. Но это очень сомнительное предположение. Ведь разрушение памятников чаще всего вплетено в какую-то деятельность — хозяйственную или политическую. А любая деятельность происходит не сама по себе, она нормирована культурой. Поэтому более вероятным выглядит предположение, что разрушение памятников является проявлением культуры или столкновением, войной культур.

При таком понимании мы должны говорить о культуре во множественном числе, то есть о культурах, которые сталкиваются на одном пространстве — физическом, социальном и т.д. Если это так, то нельзя остановить разрушение памятников простым призывом к культуре или воспитанием разрушителей. Разрушителей необходимо рассматривать как культурных людей, и предотвратить разрушение памятников можно только более сложными способами, которые опираются на представление о множественности культур. В поиске этих более сложных способов мы должны обратиться к критике, переосмыслению и достраиванию понятия культуры. Следует лишь оговориться, что это переосмысление лежит в рамках проблемы столкновения культур. Это означает, что нам нужны такие представления о культуре, в которых возможны не просто объяснения и описания сложившейся ситуации, но решения обозначенных вопросов.

Представления о культуре как важный инструмент, который организует наше мышление и действия в сфере культуры, стали

одним из главных вопросов на организационно-деятельностной игре «Разработка программных и стратегических предложений развития культуры Беларуси: от десоветизации к европеизации»[6]. В течение недели три десятка специалистов разбирались с принципиальными возможностями и конкретными действиями в области управления культурой. Было затронуто много аспектов и вопросов, но далеко не все они получили развитие и ответы. Поднятые темы и проблемы нашли свое отражение в серии публичных лекций и продолжают оставаться живыми, незакрытыми вопросами. Мы не рассчитываем здесь представить систематизированную версию правильных «представлений о культуре». Во-первых, этого не позволяет формат книги, а во-вторых, те представления, к которым мы апеллируем, находятся в состоянии формулирования и развития. Они возникают как результат диалога, размышления, попыток «здесь и сейчас» найти адекватные ответы на сложные комплексные вопросы, в которых тесно переплетены логические, аксиологические, прагматические и иные аспекты.

Поэтому мы решили, что самой адекватной формой разбора и обсуждения представлений о культуре, которые позволяют решать актуальные проблемы, будет диалог, затрагивающий наиболее острые и важные вопросы. Участниками диалога будут «Автор» и «Критик». Автор с позиции культурного политика разворачивает свои представления, предлагает ответы на вопросы, постулирует и

---

[6] Организационно-деятельностная игра «Разработка программных и стратегических предложений развития культуры Беларуси: от десоветизации к европеизации» прошла 17—21 мая 2010 г. в Германии, в народной школе Мариашпринг. В игре участвовали деятели культуры Беларуси, критики, художники, представители общественных культурных объединений и кампаний. Игра проводилась Центром социальных инноваций и Агентством гуманитарных технологий; руководитель игры — В. Мацкевич.

Подробные материалы об игре можно найти на сайте http://www.methodology.by (http://www.methodology.by/index.php?option=com_content&task=blogcategory&id=37&Itemid=78)

утверждает. Критик, соответственно, проверяет эти представления при помощи логики, сомневается и критикует.

Автор: В избранной нами теме так много вопросов и аспектов, касающихся проблем культуры вообще и беларусской культуры в частности, что разбираться с этим можно годами. Если уж мы начинаем с этим разбираться, то нам придется себя как-то ограничить.

Критик: *Разумеется, придется. На Игре вопросы всплывали, но не получали развития, каждый говорил о том, что знает и понимает, а проблемы — это то, чего мы все не знаем и не понимаем. Как же мы можем с этим разбираться?*

Автор: А почему не можем? Ведь даже в Игре с некоторыми вопросами мы успели разобраться. Давай не будем ставить перед собой необъятных задач. Будем разбираться только с тем, с чем не можем не разбираться. Будем говорить только о том, о чем невозможно молчать.

Критик: *Давай попробуем, хотя я сомневаюсь, что мы сможем удержаться в этих рамках.*

Автор: Почему нет? Что нам мешает ограничиться кругом вопросов, связанных с тем, сносить памятники Ленину или оставлять их на прежних местах?

Критик: *И какое отношение это имеет к проблемам культуры?*

Автор: Мне кажется — прямое. Разве памятники на улицах городов — это не произведения искусства? Разве это не часть культуры? Разве это не имеет отношения к исторической и культурной памяти?

Критик: *Вот именно. Если это произведения искусства — тогда зачем их сносить? А если это только идеологические объекты, то при чем здесь культура и искусство? Надо разделить вопросы политические и вопросы культуры и искусства. Вопросы культу-*

ры — это вопросы эстетической и художественной ценности, гармонии с окружающей средой и т.д. А снос памятников — политическое действие, и обосновывается оно далеко не культурными аргументами и доводами.

Автор: То есть ты хочешь сказать, что можно показать на некую вещь пальцем и точно определить, культура это или не культура? Искусство или не искусство?

Критик: *Я как раз хочу сказать обратное, что невозможно однозначно сказать, что относится к культуре, а что не относится, что является произведением искусства, а что нет. Обычно, когда требуют сноса памятников, не разбираются в том, произведение искусства это или халтура. А надо разобраться: если это произведение относится к культуре — то сносить нельзя.*

Автор: А я предлагаю снести все. При этом я понимаю, что среди них будут и произведения искусства, и простые поделки. Но всё это культура. И установка памятников на наших улицах, и их снос — все это культурные события.

Критик: *Вот как! То есть ты знаешь, что такое культура?*

Автор: Да кто же этого не знает?

Критик: *Как раз в этом я и сомневаюсь. Про культуру так много и такого разного сказано! И я думаю, что не может быть некоего единого понятия «культура».*

Автор: Значит, с этим и необходимо разбираться в самом начале.

Что можно отнести к культуре, или логический объем понятия «культура»

Автор: Культура настолько хорошо знакомое всем слово и настолько часто и широко употребляемое в текстах и речи понятие, что эта распространенность сыграла с ним злую шутку.Обычный читатель, слушатель или телезритель реагирует на появление слова «культура» ассоциативно. И первая приходящая на ум ассоциация связана с искусством. Действительно, большинство текстов про культуру касается различных жанров искусства. Хотя и другие употребления термина «культура» не являются редкостью. Например, культура быта, культура производства, политическая культура. И обычно в конкретной ситуации понятие «культура» ограничивается одной сферой деятельности или человеческих отношений. Предметом нашего интереса является национальная культура без разделения на сферы и области. Но «не разделенная» не означает «неограниченная». Категория культуры имеет настолько общий характер и логический объем, что если употреблять эту категорию без ограничений, то в силу своей общности и объема она становится бессодержательной и малоосмысленной.

Критик: *Вот-вот. Бессодержательной и бессмысленной. Если культурой называть все подряд, то в этом нет никакого смысла.*

Автор: Мы будем называть культурой только то, что транслируется и реализуется, то есть воспроизводится в деятельности и человеческих отношениях.

Критик: *На первый взгляд это не противоречит всему тому, что говорят о культуре другие авторы, не замыкающие культуру в какой-либо одной сфере, например в искусстве. Но даже при отсутствии противоречия требуется уточнение и разбор такого понимания. Что означает этот акцент на отношениях трансляции и реализации?*

Автор: Он означает, что во всех объектах, которые мы можем отнести к сфере или пространству культуры, мы должны выделить то,

что является транслируемым и реализуемым содержанием. Таким содержанием являются нормы, образцы, эталоны и прототипы — образцы красоты, нормы поведения, прототипы социальных институтов и т.д.

Рассматривая некоторую вещь, например произведение искусства или предмет древнего быта, мы видим в нем культурное содержание, которое является чем-то дополнительным по отношению к чисто утилитарному употреблению этих вещей. Например, икона в крестьянской избушке имеет совершенно разное культурное содержание для старушки, которой она принадлежит, и для искусствоведа или краеведа. В норме жизни старушки есть определенное место (красный угол), которое должно быть заполнено соответствующими изображениями. И она, в принципе, готова заменить почерневшую «доску» на новое типографское изображение. Для краеведа или искусствоведа икона является образцом определенной живописной техники или быта предшествующей эпохи.

Критик: *Но получается, что старушка и искусствовед в одних и тех же вещах видят разное культурное содержание.*

Автор: Точно. И это содержание порой настолько разное, что порождает культурные конфликты. Столкновение различных культурных содержаний с особым напряжением и особенно наглядно проявляется в отношении архитектурного наследия, когда старые постройки не вписываются в новую норму организации городского быта и городской среды.

Критик: *Итак, содержанием культуры являются не вещи как таковые, не события, не люди, а только то в них, что транслируется и реализуется — нормы, эталоны, прототипы, образцы деятельности, поведения и отношения человека к окружающему миру, себе и людям, которые воплощены или зафиксированы в этих вещах, событиях и людях. Я правильно понимаю?*

Автор: Да. Именно так. Не вещи. А то, что в вещах.

Критик: *Но как только мы ставим такие ограничения для определения содержания культуры, которые апеллируют*

к чьей-то деятельности (кто-то транслирует, кто-то реализует), то пространство культуры сразу становиться полем для столкновения установок, убеждений, целей и т.д. Это очевидно и в приведенном примере и знакомо из нашей жизни. При этом мы привыкли относиться к культуре как к чему-то, что сохраняет свой статус вне зависимости от конкретной ситуации. Культура как «хранилище». Это отношение остается справедливым или нет?

Автор: Выделение отношений трансляции и реализации, которые ограничивают сферу культуры, наталкивает на мысль, что в представлениях о культуре необходимо развести два разных модуса, или ипостаси, существования этой совокупности.

С одной стороны, к нормам, образцам и эталонам мы относимся безоценочно, они существуют и являются теми или иными по своему содержанию. Таковыми они предстают в понятии о культуре, в мышлении о ней. Мы можем описать и каталогизировать те или иные совокупности норм как существующие.

Критик: *Существующие объективно?*

Автор: Да, объективно, это онтология культуры.

Но в каждой конкретной исторической ситуации нормы, образцы и эталоны существуют еще и в иной ипостаси. Они предстают как идеалы и ценности. Кроме своего непосредственного содержания они приобретают аксиологическое значение. Какая-то из норм признается идеалом, а какая-то нагружается отрицательным содержанием. В конкретной исторической ситуации для того, чтобы быть реализованными в жизни, нормы, образцы и эталоны требуют оценки и интерпретации. И в самой ситуации существуют уже как ценности и как идеалы.

Критик: *То есть помимо онтологии культуры мы имеем дело еще и с аксиологией культуры. Онтологию, или объективное содержание культуры, мы можем описывать и исследовать, а что мы можем делать с аксиологией?*

Автор: Практически то же самое, только уже иначе.

Ценности бывают отрицательными, идеалы бывают чужими — не ценными для конкретной культуры. Разрушители памятников понимают, что они разрушают образцы культуры. Но это отрицательные образцы — образцы иной культуры. А на месте этих образцов воздвигают нечто свое, по своим нормам, в соответствии со своими ценностями и идеалами. В борьбе за сохранение или разрушение культурного наследия мы усматриваем столкновение не просто норм и образцов, но норм и образцов в виде ценностей и идеалов. Значит, для разрешения практических проблем обсуждать приходится ценности и идеалы, а также процессы оценивания и интерпретации, которые лежат в основании данной ипостаси существования культуры.

И тогда дискуссии о проблемах культуры не могут ограничиваться исследованиями и обсуждениями в академическом жанре, в отстраненной манере, подобной этнографическому описанию и исследованию. Нельзя отделить культуру и произведения искусства от политики и идеологии. Любой участник культурных дискуссий находится в конкретной исторической ситуации и так или иначе предвзят. Его предвзятость может быть описана структурой его ценностей и идеалов.

Критик: *Если в каждой конкретной ситуации мы встречаемся с культурой в виде ценностей и идеалов, которые к тому же сталкиваются друг с другом, то можно ли вообще говорить о некой «культуре» как целостности, о культуре в единственном числе?*

Автор: В понятие культуры мы включаем только то, применительно к чему справедливы оба эти отношения — трансляция и реализация. Это означает, что реализовавшееся единожды мы не можем рассматривать как культуру, если оно не транслируется и не может быть реализовано в другой ситуации или в другое время. Точно так же в объем понятия «культура» не попадает то, что только транслируется, но не реализуется. Соприсутствие, или комплексирование, в понятии культуры двух различных по своей сути отношений — трансляции и реализации — придает существованию культуры динамичный характер. И статус самого существования культуры

становится двойственным. Эта двойственность лучше всего передается, например, через артикли английского языка — «a culture» и «the culture». В отношении трансляции мы можем говорить обо всей культуре как единой, используя «культуру» как категорию, не имеющую множественного числа. В отношении же реализации — наоборот. Мы никогда не говорим о единой и целостной культуре, а всякий раз имеем дело с одной из многих возможных культур. Транслируется единая, а реализуется одна из многих. И в этом состоит внутреннее противоречие понятия культуры (в ее онтологическом смысле), являющееся причиной и источником ее динамизма и развития.

Критик: *Одна из многих культур всякий раз реализуется в конкретной ситуации, то есть в определенном месте и в определенное время. На это место и время может претендовать несколько из многих культур — комплексов норм, эталонов и образцов. И объективное содержание культуры не дает нам никаких критериев, чтобы предпочесть тот или иной комплекс норм какому-либо другому.*

Автор: Именно так. Объективное представление о культуре не дает нам возможности предпочесть некую норму или образец другой норме или образцу. Критерии предпочтения нужно искать в аксиологическом модусе культуры. При любом выборе предпочтение отдается ценностям и идеалам, признаваемым безусловно (т.е. абсолютно и безоговорочно) позитивными.

Критик: *Но являются ли ценности и идеалы безусловно позитивными или негативными? Ведь нормы, прототипы и образцы становятся ценностями и идеалами только в результате оценки. А значит, в качестве ценностей и идеалов они обусловлены процедурой оценки и не являются безоговорочными, а, напротив, появляются в результате оговаривания, коммуникации, конвенции.*

Автор: Абсолютизация норм, образцов, эталонов допустима только в их безоценочной форме, в трансляции. А вот в реализацию даже абсолютизированные нормы, образцы и эталоны попадают через процедуру оценивания, достижения общественного согласия

и конвенции. Выбор той из культур, которая будет реализована в это время и в этом месте, непосредственно связан с процессом и процедурой оценивания, превращения общих норм и эталонов в свои ценности и идеалы. И этот выбор делается из внекультурного пространства, или, точнее, он делается не внутри самих претендующих на реализацию норм и образцов, а в рамках «третьей» культуры.

Критик: *Хорошо в теории. А как это может выглядеть в реальности?*

Автор: Разберем конкретный пример. Предположим, речь идет о строительстве нового храма православной церкви. По каким образцам и прототипам строить этот храм? Архитектурные традиции ВКЛ во многом отличны от традиций православной архитектуры Московского княжества или Византии. Можно ли отдать предпочтение одной из традиций (назовем их для простоты национальными культурами), оставаясь внутри самих национальных культур? Внутри каждой из культур иная традиция представляется как некультурная. В современном мире такого рода вопросы обычно решаются через выход из архитектурно-конфессиональных норм и прототипов в нормы политики, в нормы ведения общих дел. В сфере политики существует несколько способов оценивания и присвоения статуса идеала тем или иным образцам и прототипам. Один из способов — определение большинства приверженцев одной или другой традиции и решение в пользу большинства. Другой способ — силовой, или властный. Разновидностью этого способа можно считать предпочтение спонсора или инвестора строительства. И третий способ можно назвать «культурно-политическим», когда предпочтение и ценность определяется не длением и воспроизводством той или иной традиции, а антиципацией будущего.

В любом из этих способов в решение архитектурно-конфессионального вопроса вмешивается политика, которая, как любая деятельность, реализует некоторые нормы, образцы и прототипы, то есть может и должна сама рассматриваться как культура. Эта третья культура — политическая — включает в себя те нормы, по

которым происходит «оценивание», оговаривание и конвенция по поводу признания тех или иных образцов и прототипов в качестве идеалов в конкретной ситуации.

Критик: *Допустим, что мы принимаем комплексный характер культуры или норм, образцов, прототипов и эталонов, существующих в трансляции и реализации. С одной стороны, как нормы и эталоны, культура абсолютна, как образцы и прототипы — безусловна. Но когда те же нормы, эталоны, образцы и прототипы выступают как ценности и идеалы, культура, напротив, чем-то обусловлена и существует только через оговаривание, через достижение согласия и конвенции.*

Но даже такой комплексностью не исчерпываются все сложности и проблемы культуры, тем более если мы говорим об управлении культурой.

Автор: Что ты имеешь в виду?

Переоценка ценностей: моральное право и общественная практика

Критик: *Если ценности и идеалы не являются абсолютами, а обусловлены коммуникацией и взаимодействием между людьми, нам придется разобраться с отношениями между аксиологией — с одной стороны, этикой и правом — с другой, а также рациональностью, критикой и логикой — с третьей. Вопрос может быть поставлен следующим образом: можем ли мы влиять на ценности и идеалы и изменять их, то есть доступны ли ценности рациональному отношению и логическому упорядочиванию? Имеем ли мы моральное или иное право изменять ценности? Или же мы должны их только описывать и исследовать, почти как объективированные нормы, образцы и эталоны? Пусть и несколько иначе, но не выходя за пределы научного метода. Наука описывает*

и исследует мир, но не создает и не меняет его. Даже если это мир культуры. Ведь не будем же мы предписывать художнику, какими нормами и эталонами ему руководствоваться?

Автор: Да, предписывать не будем. А вот с правом влиять на ценности и идеалы и менять их все несколько сложнее.

В современном мире к ценностям и идеалам относятся с большим пиететом, считая их настолько личным делом каждого человека, что вмешательство в сферу ценностей считается недопустимым. Но так было не всегда. Современное отношение сложилось в результате длительной борьбы за индивидуальные свободы, за эмансипацию и автономию личности. Эту борьбу начали гуманисты эпохи Возрождения и протестанты того же времени, боровшиеся за свободу совести. Затем к этому добавились движения за социальное, расовое и гендерное равенство. И в конечном итоге цивилизационное развитие привело к постулированию неприкосновенности прав человека, личности и индивидуальности, ядром которых и является система ценностей и идеалов. Сегодня эта автономия и неприкосновенность гарантируется всем демократическим социальным устройством. Вмешательство же в сферу ценностей и идеалов, идеологический контроль считаются проявлением тоталитаризма и признаются недопустимыми в цивилизованном мире. Более того, политкорректность защищает такой порядок от критики.

Тем не менее, на заре европейской цивилизации, в сократических школах, в частности киниками, ставилась задача переоценки ценностей. Накануне XX века эту же задачу формулировал Ницше.

Критик: *Можно было бы согласиться с этим. В определенном смысле именно переоценкой ценностей в XX веке занимались самые влиятельные философские и мировоззренческие движения, в частности марксизм и психоанализ. Лицо современного мира сформировалось в результате усилий по переоценке ценностей. Но эту переоценку затевали обычно различные радикальные силы, а противостояли им консерваторы. Значит ли это, что переоценка ценностей — это само по себе определенная политическая идеология?*

Автор: Я далек от мысли, что неприкосновенность ценностей характеризует только консервативное и ретроградное мировоззрение, а настаивание на переоценке ценностей является прерогативой революционных радикалов. Неприкосновенность ценностей и ограждение их от критики входит в традицию либерализма, отстаивающую личную индивидуальную свободу, то есть характеризует скорее левый спектр общественной мысли.

Также не могу согласиться с тем, что переоценка ценностей характерна только для тоталитарных обществ. Напротив, именно демократические государства, свободные и открытые общества в XX веке успешно практиковали переоценку ценностей в борьбе с дискриминацией и сегрегацией всех типов. В современном общественном порядке каким-то странным образом уживаются и сосуществуют установка на неприкосновенность индивидуальных ценностей и идеалов и практика массовой, интенсивной переоценки ценностей. Эта практика интенсивна настолько, что в XX веке в течение жизни одного-двух поколений менялись самые фундаментальные системы ценностей, казавшиеся в прошлом незыблемыми. Наиболее яркими примерами такой практики являются денацификация Германии, преодоление сегрегации по расовому признаку и расизма в массовом сознании США, преодоление апартеида в ЮАР, преодоление маскулинного характера европейской культуры, изменение отношения к нетрадиционной сексуальной ориентации. Все это — переосмысление и переоценка норм, эталонов и прототипов социального устройства и индивидуального поведения, которые признаются в качестве ценностей и идеалов.

Критик: *Значит, сопоставляя практики переоценки ценностей в демократических и тоталитарных обществах, необходимо признать, что различие между демократией и тоталитаризмом проходит не по наличию или отсутствию таких практик, а по средствам и методам осуществления этих практик — по нормам и образцам политической культуры.*

Автор: Рискнем предположить, что управление сферой ценностей и идеалов в тоталитарных обществах осуществляется с преобладанием

силовых способов, реализуемых властью, в том числе через систему образования, монополизированные СМИ и унификацию образов жизни. В демократических же странах не менее эффективно переоценка ценностей осуществляется через коммуникативные практики и средствами культуры (в узком смысле). При этом система образования и свободные СМИ включены в переоценку ценностей как инфраструктура коммуникации, а не как средства осуществления власти.

Критик: *Таким образом, право на переоценку ценностей в каждой из политических культур обусловлено принятием таких механизмов и инструментов реализации этого права, которые признаются справедливыми и правильными. Тогда специально следовало бы разобрать специфику политической культуры и норм переоценки ценностей в переходных обществах в отличие от обществ с давними демократическими традициями.*

Автор: Да. В любом демократическом обществе существуют и участвуют в политике (а значит, и в процедурах оценивания и интерпретации) носители тоталитарного мировоззрения и подхода. Отношение к таким политическим силам существенным образом различается в переходных обществах и в обществах с давними демократическими традициями. В переходных обществах часто приходится прибегать к запретам тоталитаристски ориентированных партий и отстранению от участия в культурно-политическом процессе харизматичных лидеров, стремящихся к реставрации. В обществе с устоявшимися традициями демократии в этом нет необходимости. К запрету тоталитарных партий и лидеров в переходных обществах подталкивает не только реальная опасность реставрации тоталитаризма, но и то, что такого рода запрет указывает обществу на необходимость пересмотра системы ценностей.

Критик: *Мы начинали разговор с темы разрушения памятников архитектуры и культурного наследия. Давай попробуем разобрать эти различия на материале памятников, их сохранения или разрушения.*

Автор: Тоталитарные режимы даже за короткий срок своего существования оставляют множество памятников, существенно

меняют визуальный культурный ландшафт городов, продуцируют огромное количество произведений искусства. Демократически ориентированные режимы, приходящие им на смену, встают перед проблемой сохранения или разрушения культурного наследия тоталитарных режимов. Для постсоветских обществ это превращается в очень конкретные вопросы: сносить или оставлять памятники Ленину, оставлять ли в школьной программе те или иные произведения и т.п. Все эти вопросы имеют комплексный характер — это одновременно вопросы политики, эстетики, иногда экономики, и в любом случае это вопросы культуры.

Критик: *Сторонники сохранения наследия тоталитарного прошлого довольно часто настаивают на эстетической и культурной ценности памятников и апеллируют к исторической памяти, говоря, что нельзя переписывать историю и вычеркивать из нее какие-то страницы в угоду современной политической конъюнктуре.*

Автор: Да. В этом смысле в переходном обществе складывается патовая ситуация. Диссиденты и противники тоталитарных режимов в борьбе за сохранение культурного исторического наследия, разрушаемого тоталитарными режимами, выработали систему аргументации и риторику. А в ситуации перехода к демократическому устройству этими же аргументами начинают пользоваться сторонники реставрации тоталитаризма. И проблема становится трудноразрешимой. Борцы за сохранение культуры от разрушительного воздействия тоталитаризма, за объективную историю, против ее переписывания тоталитарными идеологами должны либо принять все аргументы, возвращаемые им их оппонентами, либо отказаться от абсолютизации своих аргументов и признать риторику лишь частично справедливой или ситуативной.

Критик: *И что можно сделать в такой ситуации?*

Автор: Эта проблема становится принципиально разрешимой, если мы помним о двойственном характере культуры, о котором говорилось выше, и удерживаем его в рассуждении. Мы можем согласиться на неприкосновенность или сохранение и трансляцию

объективного и абсолютного в культуре, то есть образцов, прототипов и эталонов. Но мы должны договориться об изменении их конвенционального содержания, смысла и статуса. То есть объекты культуры должны быть переоценены, должны быть изменены статус и смысл идеалов.

Критик: *Но тогда необходимо вернуться к обозначенным выше отношениям между аксиологией и логикой, критикой, рациональностью. Возможно ли договориться о ценностях? Подлежат ли ценности рациональному отношению? Спорят ли о ценностях?*

Можно ли о ценностях спорить и договариваться

Автор: Мы исходим из принципиального предположения, что изменение смысла и ценностного статуса того, что транслируется и реализуется, не просто возможно, но возможно именно на рациональных основаниях и именно посредством коммуникации. Это означает, что о ценностях нужно и можно говорить и договариваться. О ценностях спорят! Ценности и идеалы изменяются в процессе коммуникации. Точнее, могут изменяться, а значит, могут и не изменяться.

Критик: *Если это так, то мы обязаны найти различия между коммуникацией, в которой ценности и идеалы меняются, и коммуникацией, в которой ценности не меняются. Точно так же мы должны разобраться с рациональностью. Каково место и роль рациональности в коммуникации, изменяющей ценности?*

Автор: Да, и наши поиски ответов на эти вопросы будут разворачиваться вокруг двух категорий — рефлексии и искусства.

Забегая вперед, определимся, что только рефлексивная коммуникация ведет к изменению ценностей и идеалов. Точнее, реф-

лексивность в коммуникации является необходимым условием переоценки ценностей и идеалов, но вряд ли достаточным. Достаточность в такой коммуникации достигается средствами искусства. В искусстве, в свою очередь, нам необходимо различить рациональные и иррациональные компоненты.

Критик: *Хотелось бы разбирать это не абстрактно, а на примере культурно-исторических прецедентов.*

Автор: Хорошо. Необходимый нам для этого текста материал рассмотрим на трех персонажах беларусской истории: Иосафат Кунцевич, Тадеуш Костюшко, Феликс Дзержинский. Но вначале попробуем ответить на более общие вопросы за пределами беларусской истории и культуры. Вспомним одно из наиболее древних произведений европейского искусства — эпическую поэму о войне ахейцев с троянцами «Илиаду», приписываемую Гомеру. Согласно «Илиаде» и имеющимся у нас историческим сведениям, Троя (или Илион) была разрушена ахейцами, но не все троянцы погибли — некоторым удалось выжить. И представим себе, что эпос о гибели Трои сложили бы выжившие троянцы, а не рапсоды ахейцев. Как в этом эпосе были бы представлены основные герои — Одиссей, Патрокл и Гектор, Ахиллес и Парис?

Критик: *Разумеется, чаще всего эпосы сочиняют победители, а не выжившие побежденные.*

Автор: Но тогда можно представить себе описание разрушения Иерусалима и пленения иудеев глазами вавилонских поэтов. Очевидно, что объективное историческое содержание дошедших до нас произведений искусства и воображаемых нами произведений, не написанных оппонентами, должно быть одним и тем же. Но вот ценность побед и поражений, оценка самого события как победы или поражения, оценка действующих лиц как героев или злодеев были бы различными. Опираясь на очевидность воображаемого, вернемся к реальным персонажам беларусской истории. Историческая биография Иосафата Кунцевича в советских учебниках и житие униатского святого, мученика Иосафата Кунцевича,

совершенно по-разному оценивают факт его убийства жителями Витебска. Но в трансляцию попадают не только факты жизни и смерти Кунцевича, но и представление о нем как о святом или как о предателе. Еще сложнее с двумя другими персонажами. Жизнь и деятельность беларусского шляхтича Костюшко самым непосредственным образом сказалась на исторических судьбах беларусского народа, но памятники Костюшко воздвигнуты в Польше, США, Франции — где угодно, только не в Беларуси. Знание о деятельности Тадеуша Костюшко транслируется в беларусских учебниках истории, но в беларусском искусстве он начисто отсутствует как героический персонаж и образец для подражания. Почти обратная ситуация с Феликсом Дзержинским, беларусским поляком по происхождению, которого совершенно не чтят в Польше как героя. Разрушение памятника Дзержинскому стало одним из поворотных событий перестроечной переоценки ценностей в Москве, но в Беларуси именем Дзержинского назван город. Улицы его имени и памятники ему существуют во многих беларусских городах.

Критик: *Почти все древние народы участвовали в различных войнах и битвах, пережили захваты и разрушения городов, победы и поражения. У каждого, даже самого маленького племени в реальной истории были богатыри и воины, подобные Ахиллу и Гектору. И от большинства из них не осталось никакой памяти. Они не стали ни прототипами национального характера, ни образцами для подражания для последующих поколений.*

Автор: Чтобы Ахилл стал таким образцом, а другие персонажи «Илиады» и «Одиссеи» стали прототипами национального характера греков, потребовалась героизация этих персонажей средствами искусства. Героям «Илиады» и «Одиссеи» подражали многочисленные поколения греческих юношей. И даже позже, когда на арену мировой истории вышли римляне, они ощутили на себе влияние греческой культуры, и для них герои «Илиады» становились кумирами и идеалами. Они впитывали в себя образцы, эталоны и нормы поведения как ценности и идеалы. Однако времена и ситуации менялись, происходила девальвация старых

ценностей, требовались новые идеалы. Римская культура и искусство готовы были предложить новые ценности и идеалы, однако нужно было что-то делать с трансляцией старых, поскольку произведения Гомера были хрестоматийными для образованных римлян. И потребовалась «Энеида» Вергилия, выстраивавшая средствами искусства мифологию происхождения римлян от выживших троянцев. Через «Энеиду» запускалась рефлексия ценностей и идеалов гомеровского эпоса, шла переоценка ценностей. В результате такой переоценки на месте старых идеалов возводились новые, вместо старых героев и образцов для подражания предлагались новые герои и образцы.

Критик: *Как все сказанное помогает нам разобраться в том, какая коммуникация позволяет переоценивать ценности, а какая нет? Вероятно, необходимо специально оговорить некоторые параметры коммуникации, в которой осуществляется переоценка ценностей.*

Автор: Из приведенного примера видно, что такая коммуникация имеет историческое измерение, и репликами в ней (аргументами, тезисами и доводами) служат научные открытия, произведения искусства, политические шаги и т.д. При определенной генерализации мы можем представить всю историю как коммуникацию, посвященную переоценке ценностей. Это важно понимать, когда мы ставим себе задачи переоценки ценностей, а значит, и организации коммуникации. Важно, что это не какое-то «мероприятие», в результате которого мы достигаем договоренностей. Дальше начинаются действия по реализации достигнутых договоренностей. Культурная коммуникация, в которой происходит переоценка ценностей, — это процесс, в котором мы живем и действуем, где в пределе каждый шаг может быть рассмотрен как аргумент «за» или «против» признания тех или иных норм и образцов в качестве ценностей и идеалов.

Критик: *Еще один вопрос — это вопрос рефлексивности коммуникации. Легко сказать, что через «Энеиду» запускалась рефлексия ценностей и идеалов гомеровского эпоса. А что обеспечивает рефлексивность? Ведь не любую коммуникацию можно охарактеризовать этим качеством.*

Автор: Конечно, не любую. Коммуникация может быть и не рефлексивной. В описанном случае важно было, чтобы «Илиада» (и прежние герои и идеалы) не исчезла из культурного потребления, а осталась присутствовать в общем пространстве вместе с «Энеидой». Только в этом случае сам факт переоценки ценностей становится не только явным, но и попадает в коммуникацию, становиться ее предметом. А реплики в этой коммуникации ведутся с учетом того, что это коммуникация по переоценке ценностей, то есть реплики и аргументы приводятся осмысленно.

Аргументы искусства в культурной коммуникации

Критик: *Однако вернемся к еще одной заявленной категории, без которой невозможно рассматривать культурный процесс и переоценку ценностей, — категории «искусства». На предложенном примере демонстрируется роль произведений искусства в этом процессе. Но этот пример не позволяет судить о необходимости или границах включения искусства в описываемые процессы. Возможно ли достичь такого же эффекта переоценки ценностей не средствами искусства, а какими-то другими?*

Автор: Вопрос остается открытым несмотря на многочисленные попытки обойтись в решении такого рода задач без искусства. Историки, археологи могут по-разному описывать Троянскую войну и даже сомневаться в том, что она вообще имела место. Но исторические описания по силе воздействия несопоставимы с поэзией мифов «Илиады», «Одиссеи» и «Энеиды».

Критик: *Давай снова обратимся к персонажам беларусской истории. Значение восстания под руководством Тадеуша Костюшко достаточно хорошо проанализировано и описано в исторической*

науке. Но выясняется, что польская и российская интерпретации истории очень отличаются друг от друга.

Автор: Можно подумать, что версия беларусских историков, отличная от польской и российской, находится в этом же ряду и равноправна. Но это иллюзия. Беларусская версия истории равноправна с польской и российской только в той части культуры, которая заключается в абсолютизированной и объективированной форме транслируемого и реализуемого содержания. Но она не может быть поставлена в один ряд в смысле другой ипостаси культуры — транслируемых ценностей и идеалов. Образ национального героя Польши Тадеуша Костюшко воспет в различных жанрах искусства, транслируется средствами искусства как идеал и даже реализуется через систему образования и воспитания, когда детям и подросткам нужны идеалы и образцы для подражания. Понятно, что для российской культуры Костюшко не является ни героем, ни идеалом. В российской версии истории героизирована фигура Александра Суворова, подавившего восстание и освободительное движение в Беларуси-Литве и Польше. Но поколения беларусских военных, будущих офицеров воспитываются в суворовских, а не в костюшковских училищах. В беларусском искусстве герой Костюшко практически отсутствует, а Суворов, может, и не является популярным персонажем, но все же встречается в нем исключительно в качестве положительного героя. Неподалеку от родины Костюшко расположен музей Суворова, куда организуются экскурсии беларусских школьников, тогда как у Костюшко нет ни музея, ни памятника. Сопоставляя транслируемое содержание культуры в объективированных формах с трансляцией в форме ценностей и идеалов, мы приходим к вполне определенному выводу: реализационный эффект транслируемых ценностей и идеалов во много раз больше трансляции объективированного содержания.

Критик: *Трудно спорить с тем, что выраженное в ценностях и идеалах содержание становится более веским аргументом в коммуникации, чем объективированное содержание. При этом*

мы понимаем, что идеалы и ценности лучше всего выражаются через произведения искусства. И здесь мы возвращаемся к вопросу о рациональных и иррациональных компонентах культурной коммуникации. Реплики искусства в коммуникации по переоценке ценностей веские, но насколько они могут быть продуманными, рациональными? Насколько такая коммуникация может быть управляема?

Автор: Да, реализационный эффект искусства чаще всего ассоциируется с нерефлексивными характеристиками и атрибутами производства и потребления предметов, вещей искусства. Нерациональными или иррациональными считаются талант и вдохновение творцов, катарсис и экстаз потребителей. Но рациональными по своей природе являются работа художников и поэтов над материалами и сюжетами своих произведений. Рациональной является работа читателя и зрителя по сопоставлению различных произведений, по критике самих произведений, по пересмотру своего отношения к историческим событиям, людям и т.д.

Надо полагать, что древние римляне совершенно иначе читали «Илиаду» Гомера до того, как Вергилий в «Энеиде» «объяснил» им, что они являются потомками троянца, город которого был разрушен положительными персонажами «Илиады». После «Энеиды» римляне читали «Илиаду» гораздо рефлексивнее.

Критик: *Рефлексивное и, соответственно, рациональное отношение, которое возникает в результате включения в коммуникацию произведений искусства, мы уже обсуждали. Очевидно также, что техника создания произведения искусства тоже подлежит рациональному отношению. Но это не связано непосредственно с содержательным участием деятелей культуры и творцов в коммуникации по переоценке ценностей. То есть их вклад и эффект участия велик, а рациональное отношение касается не самого вклада или участия, а техники работы.*

Автор: Гомер начинает свою поэму с обращения к богине или музе за вдохновением и помощью в том, чтобы воспеть Ахиллеса. Вергилий же воспевал Энея. Ахилл и Эней — представители враж-

дующих сторон. Вполне резонно и оправданно было бы установить памятник Энею, как предку основателей Рима, но уместен ли был бы рядом с памятником Энею памятник Ахиллесу? Ответить на этот вопрос для Рима не так-то просто. Совершенно очевидно, что памятник Ахиллесу был бы крайне неуместен в восстановленной Трое.

Управлять вдохновением Гомера и Вергилия и направлять их не стоит, да и вряд ли возможно, но решение об установке памятника в городе принимается не скульптором, который руководствуется вдохновением, а гражданами или их представительными структурами. Об этом решении договариваются. После того как договоренность достигнута, формулируется заказ художнику, и он либо принимает, либо не принимает его. Если он его принимает, ему требуется вдохновение, чтобы сотворить произведение искусства. Таким образом, мы получаем схему культурного процесса, который включает в себя рациональные компоненты: общественную конвенцию о необходимости установления памятника, заказ на его установление; и иррациональные компоненты: вдохновение художника и сотворение произведения искусства.

Критик: *Восстановим логическую конструкцию, стоящую за таким рассуждением. В этой схеме должны быть задействованы позиция художника и позиция договаривающихся граждан. Обе эти позиции удваиваются или даже утраиваются и проявляют себя в рациональных и иррациональных действиях. Надо разобрать эти действия.*

Автор: Попробуем начать с заказа. Художник получает заказ от граждан, и этот заказ оформляется через процедуру коммуникации или договаривания, предметом которого являются вполне рациональные вещи — цена, сроки, материальные характеристики будущего произведения и т.д. В какой-то своей части эта коммуникация напоминает торг. После принятия заказа художник приступает к творению, и здесь действуют иррациональные компоненты — талант, вкус, вдохновение. Однако не исчезают и рациональные — техника работы, умения. После того как произведение готово, происходит приемка исполненного заказа, которая также включает в

себя иррациональные и рациональные компоненты — выполнение условий заказа, соблюдение сметы.

Критик: *Приемка работы по рациональным основаниям кажется простой: здесь работает система аргументов, доказательств и опровержений, построенная на логике, математике и здравом смысле. Другое дело — иррациональные компоненты. Скульптура может понравиться или не понравиться заказчику, а это зависит от вкуса, этических, моральных и идеологических установок — всего того, о чем не принято спорить, в чем не срабатывают обычные конвенциональные нормы.*

Автор: На практике работа художника никогда не может удовлетворить все вкусы и предпочтения, но все же зачастую работа принимается, и ее эффект проявляется потом, постепенно. Будучи принятой в качестве воплощения тех ценностей, о которых договорились граждане, работа скульптора с необходимостью несет в себе дополнительный смысл и содержание, то, что вложил в образ творец, его собственный взгляд на героя или событие. И эти дополнительные смысл и содержание, в свою очередь, оказывают воздействие. Этот эффект состоит в изменении мнений граждан, согласие которых стало источником заказа на произведение искусства. Так художник отсроченным образом принял участие в коммуникации, предшествовавшей заказу на его произведение.

Критик: *То есть художник в любом случае включен в коммуникацию и культурный процесс, поскольку своим произведением он делает реплику в ней. Тогда вопрос рационального отношения состоит в том, понимает ли сам художник содержание и смысл долговременной коммуникации, в которой он участвует, создавая свои произведения?*

Автор: Это зависит от многих факторов. В первую очередь от самоопределения художника в сфере искусства и культуры. Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо подробнее обратиться к тому, каким образом включено художественное творчество или искусство в процесс культурной коммуникации.

Художественное творчество и коммуникация: барьеры и стереотипы

Автор: В самом общем виде любую коммуникацию можно представить как обмен репликами и сообщениями. Тезис — ответ, на ответ следует новый тезис — и так до бесконечности или до исчерпания тезисов и ответов. Любое произведение искусства можно рассматривать как реплику в коммуникации. Автор-художник, создавая произведение искусства, отправляет его миру (зрителю, читателю) как реплику-сообщение, тезис, аргумент, доказательство или опровержение. Потребитель, читатель, зритель получает эту реплику-сообщение, читает его, расшифровывает, интерпретирует и понимает. Но может ли он ответить на эту реплику? Очень редко потребитель произведения искусства может ответить непосредственно автору. Чаще всего этот ответ имеет сложную и неопределенную форму. И до автора этот ответ доходит в превращенном виде. Например, читатель прочел, понял и полюбил книгу стихов какого-нибудь поэта. Рассказал об этом своим друзьям, а те — своим. Кто-то из них покупает экземпляры этой книги, и поэт получает читательский ответ в виде спроса на нее. Критики и искусствоведы могут ответить на произведение искусства своим профессиональным способом. Непосредственно же на всю полноту смысла и содержания произведения искусства может ответить только другой художник, создавая в альтернативу или в продолжение другое произведение искусства, но это может произойти как при жизни автора, так и через много лет после его смерти. Коммуникация в культуре отличается от живого, непосредственного общения не только длительностью между репликами и ответами, но и некомплементарностью и гетероморфностью реплик и ответов, а также тем, что автор реплики не знает и не видит адресата своих сообщений.

Критик: *Так ведь в этом-то и состоит проблема. Эти свойства и характеристики коммуникации в культуре затрудняют*

осознание самой коммуникации и включенности в нее. Более того: у участников культурной коммуникации существует огромное количество фильтров и барьеров, мешающих не только разбираться и анализировать эту коммуникацию, сознательно действовать в ней, но и видеть ее, относиться к ней как к существующей в реальности. Можно ли представить это более конкретно и наглядно?

Автор: Вернемся к примеру с заказом скульптору памятника. Скульптор обсуждает заказ с непосредственным заказчиком, каковым может выступать конкретный человек или группа, коллектив. Например, магистрат города или исполком. Но заказу могла предшествовать политическая (научная, идеологическая) дискуссия. Причем не только непосредственная дискуссия, но и коммуникация по поводу признания ценностью того или иного исторического лица или события, которое должно быть отражено в заказываемой скульптуре. Принимая заказ, художник обязан учитывать эту предшествующую дискуссию, поскольку когда его произведение будет закончено, оно может стать сильнейшим аргументом в этой самой коммуникации.

Критик: *Обязан — это в идеале. Обязан идеальный художник, не ремесленник. И это не означает, конечно, что каждый реальный скульптор, принимая заказ, учитывает предшествующую дискуссию и коммуникацию по поводу ценностей и идеалов.*

Автор: Более того, чаще как раз не учитывает, потому что его учили (и он сам искренне так считает), что художник должен быть вне политики, и подобные дискуссии его не касаются.

Критик: *Как это согласуется с тем фактом, что творческое переосмысление в содержании памятника, исторического персонажа или события становится очень значимым аргументом в политическом споре? Логически это не согласуется.*

Автор: Но у художника и на этот счет существует принцип, который гласит, что художник не несет ответственности за то, как его произведение понимается и интерпретируется публикой. И этому принципу художников также учат, и они искренне так считают.

Критик: *Этому есть рациональное и прагматичное объяснение, но именно эта прагматика, призванная защищать художников и их творчество от политического вмешательства, создает иллюзорную картину художественного творчества, а также места и роли искусства в культурной коммуникации. Наша же задача состоит в том, чтобы восстановить действительную картину, понять и схематизировать роль и место искусства и художественного творчества в культурной коммуникации, в которой происходит переоценка ценностей.*

Автор: Да, и начинать разбираться нужно с характеристики коммуникативной единицы, то есть реплики, каковой в нашем случае является произведение искусства. И эта реплика характеризуется пространственно-временными параметрами, модальностью, интенсивностью, смыслом и содержанием.

Критик: *Давай разберем структуру этой коммуникативной единицы более подробно.*

Автор: Итак, пространственно-временная структура произведения искусства как реплики в коммуникации характеризуется тем, что произведение искусства имеет очень большую длительность во времени и становится центром организуемого вокруг него пространства. Реплика в обычном разговоре и даже в письменной речи очень быстро отодвигается в прошлое и затирается ответами и другими репликами. Произведение же искусства как реплика и сообщение звучит или присутствует в коммуникации, во-первых, долго (иногда веками), а во-вторых, постоянно или автоматически повторяясь (в силу своего наличного присутствия). Произведения искусства в зависимости от модальности (жанра, вида) всегда выступают пространственно-образующим фактором. Хотя для каждой модальности искусства пространственную структуру необходимо обсуждать отдельно. Театр, скульптурный памятник на площади, картина на стене организуют совершенно разные пространства вокруг себя. В целом пространственно-временная структура произведений искусства и задает специфику культурной коммуникации, как бы выводя ее за пределы мимолетных ситуаций, придавая этой

коммуникации историческую длительность и творя пространство культуры.

Критик: *Когда ты говоришь о модальности произведения, речь идет о жанрах и видах искусства?*

Автор: Помимо собственно жанрового или видового разнообразия самого искусства модальность в произведениях искусства задается тем, что в каждом из них как в реплике-сообщении содержится как объективное значение, субъективный смысл, так и эмоционально-чувственное отношение, этическая, моральная и эстетическая оценка. Поэтому реплика, которой является произведение искусства, не может быть сведена к какому-нибудь одному из планов (модальностей) — это всегда комплекс. И чем больше в нем планов, тем больше значимость этого произведения как произведения искусства. Модальные характеристики произведения искусства выступают принципиальным затруднением при их обсуждении и включении в коммуникацию во всей полноте. Язык-речь аналитичен, и схватывает всякий раз какую-то одну модальность, а не комплекс. Поэтому любой художник становится в тупик перед вопросом, что он хотел сказать своим произведением. То, что можно сказать целым произведением, невозможно адекватно перевести на какой-то другой язык.

Критик: *А что означает интенсивность?*

Автор: Интенсивность — это в первую очередь количественное выражение силы воздействия, энергетики. По своим интенсивностным характеристикам художественное произведение как реплика-сообщение превосходит все другие реплики в любой коммуникации. Именно эта интенсивность затрудняет возможность быстрого ответа и продолжения коммуникации. Любой ответ на произведение, сам не являющийся произведением искусства, будет обедненным, а формулировка ответа в виде произведения искусства — это особый творческий процесс, требующий длительного времени. Несмотря на высокую интенсивность, произведение искусства как реплика-сообщение никогда не может быть решающим аргументом. Произведение искусства, оказывая очень сильное воздействие, не ставит

точки в коммуникации, не является законченным ответом — скорее многоточием, порождающим дополнительные вопросы.

Критик: *А что в нашем контексте представляет собой содержание произведения искусства, если говорить об этом не применительно к конкретному произведению, а вообще?*

Автор: Любое произведение искусства в той или иной форме несет в себе некоторое содержание. Но с содержательной стороны произведение искусства характеризуется неконкретностью, недоговоренностью. Произведение искусства превращает содержание в процесс. И этот процесс имеет направление от конкретного к общему. Как только конкретный объект, событие или персонаж становится героем произведения, то он сразу становится чем-то большим, чем исходный прототип. В произведении искусства можно усмотреть содержание, но его нельзя свести к содержанию.

Критик: *Ну и, наконец, смысл — самая субъективная характеристика.*

Автор: Как и содержание, смысл в произведениях искусства характеризуется высокой степенью неопределенности и текучести. И сам творец привносит личностный смысл в свое произведение, и читатель, зритель, слушатель воспринимает реплику-сообщение в виде произведения искусства очень личностно. И чем больше разброс смыслов, чем больше возможностей интерпретации, тем больше в произведении собственно искусства.

Критик: *Все перечисленные пять аспектов, характеризующих произведение искусства, по отдельности достаточно хорошо понимаются как творцами, так и потребителями. Но их очень трудно удерживать в комплексе, а уж тем более учитывать при создании или интерпретации произведений искусства.*

Автор: Да. И именно поэтому произведения искусства, будучи продуктами сознательной деятельности людей, с огромным трудом поддаются рационализации, объяснению и описанию. Перед лицом этих трудностей возникает искушение вообще отказаться от рационализации искусства. Поэтому в дискурсе самих творцов,

в критике и искусствоведении постоянно подчеркиваются иррациональные компоненты. Сами произведения искусства и особенно творческий процесс, приводящий к их созданию, мифологизируются и сакрализуются. Сам язык и способ обсуждения искусства и творческого процесса строится таким образом, чтобы избегать рационализации.

Критик: *Предположим, что не все в творчестве и искусстве может быть рационализировано, описано и объяснено. Но это не является поводом отказываться от рационализации того, что может и должно быть рационализировано.*

Рационализация творчества, или можно ли заказать вдохновение

Автор: Искусство развивается, и многие вещи, которые в прошлом были порождены фантазией, интуицией и талантом художников, нормируются и технологизируются, и им начитают учить новые поколения. И то, что раньше было необъяснимым чудом творчества, становится делом техники. Развивается и совершенствуется актерское мастерство, техника живописи и ваяния, не говоря уже о дизайне. Одним из наиболее сакрализованных и иррациональных был и остается начальный, исходный момент творческого процесса, описываемый в категориях «вдохновение», «озарение», «порыв». Но, несмотря на все иррациональные описания, большинство произведений искусства создается по заказу.

Критик: *Может ли заказ вызвать вдохновение?*

Автор: Как правило, считается, что нет. Художник-портретист может сделать много «проходных» портретов, и лишь некоторые из них останутся в истории как произведения искусства. Но есть виды и жанры, в которых без заказа вообще не может быть начат процесс

творчества. Это и архитектура, и кино, и монументальное искусство. «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» — стандартно разъясняют художники свои действия, оставляя за вдохновением мистический акт, таинство, а коммуникацию и торговлю оставляя за готовым продуктом.

Критик: *Может, и не стоит вмешиваться в самопонимание и самоощущение художников и творцов, стимулировать или искусственно вызывать вдохновение?*

Автор: Вмешиваться не стоит, но в архитектуре и кино, какими бы высокохудожественными они не были, торговля, заказ и согласование чаще всего по времени предшествуют вдохновению.

Критик: *Значит ли это, что и в других видах искусства нет необходимости дожидаться мистического акта вдохновения, а можно договариваться о создании произведений искусства?*

Автор: Гомер призывал музу помочь ему воспеть Ахиллеса, а откуда у Гомера возник сам замысел такого воспевания? Может ли беларусский поэт сегодня обратиться к музе с просьбой помочь ему воспеть Тадеуша Костюшко? Мы не знаем, верил ли Гомер в реальность муз, но сегодняшние беларусские поэты точно не верят.

Критик: *Но если им предложить создать поэму на заданную тему, они либо с негодованием отвергнут это предложение («не продается вдохновенье»), либо технично как ремесленники выполнят заказ. Поэма на заданную тему будет, но она не будет произведением искусства.*

Автор: Препарирование и анализ произведений искусства как реплики-сообщения в коммуникации необходимы нам для того, чтобы рационализировать значительную часть культурного процесса, не отвергая и не выбрасывая из него иррациональных компонентов.

Критик: *Где художник, принимающий заказ на изготовление памятника на площади, может черпать вдохновение, без которого ему не создать произведения искусства?*

Автор: Если следовать описанной схеме, то вдохновиться такой художник может через участие и погружение в политические, идеологические и морально-этические дискуссии, предшествующие формулировке заказа. Чем более горячими были эти дискуссии, чем более глубоким было погружение художника в них, тем больше вероятность того, что они приведут к вдохновению и стимулированию творческого акта, тем более осмысленной, глубокой и значимой будет его реплика-сообщение в виде сотворенного произведения.

Но такой включенности препятствует современное мировоззрение и идеология творческих людей, манера и содержание их обучения, в первую очередь — те два мировоззренческих тезиса, которые мы упоминали выше: «художник должен быть вне политики» и «художник не отвечает за понимание и интерпретацию своего произведения».

Критик: *Но предлагаемая идеальная схема культурного процесса позволяет утверждать прямо противоположное.*

Автор: Да, художник обязан быть вовлечен в главные политические и общественные дискуссии своего времени и своей страны, и художник отвечает за содержание, смысл и значение реплики-сообщения, воплощенных в произведениях его рук и таланта. И эти утверждения справедливы в рамках или в контексте переоценки ценностей.

Критик: *На первый взгляд может показаться, что даже в этих рамках и в этом контексте сделанное утверждение относится далеко не ко всем жанрам искусства. Например, какое дело художнику-декоратору или ювелиру до политических дискуссий об исторических событиях или персонажах?*

Автор: В определенные периоды времени, действительно, отдельные виды и жанры искусства могут существовать и развиваться вне контекста политических и общественных дискуссий. Но исторические условия складываются по-разному, и на общественно-политические вызовы иногда приходится отвечать даже ювелирам. Здесь можно вспомнить и историю Бенвенуто Челлини,

и приключения отдельных произведений ювелирного искусства — например, крест-ковчег Евфросинии Полоцкой. Хотя наиболее показательным примером может быть история декоративно-прикладного искусства первого десятилетия существования СССР: это и работы ВХУТЕМАС, и переориентация мастеров Палеха с иконописи на героизацию Гражданской войны, и декоративный фарфор, и даже рекламные плакаты. Конечно, памятники вождям революции или фрески на фасадах общественных зданий несут в себе гораздо больше политического, социального и идеологического содержания, чем тарелки или ювелирные украшения. Но и те и другие являются репликами-сообщениями в коммуникации и включены в процесс переоценки ценностей. Включены они не только напрямую — например, через использование серпа и молота в оформлении фарфоровых сервизов, — но и через демократизацию декоративно-прикладного искусства, которое раньше было предметом только элитарного потребления.

Критик: *Каким же образом художник вовлекается и участвует в актуальных общественно-политических дискуссиях своего времени?*

Автор: В различных эпохах и исторических периодах это происходит по-разному. В античности и Средневековье художники и творцы либо принадлежали к правящему классу в силу своего происхождения, либо были физически близки к двору через участие в кружках и клубах, организуемых меценатами. После революции Гуттенберга художники и деятели искусства были активными читателями философской и научной литературы, через это чтение приобщались к актуальным дискуссиям современности и вдохновлялись этим чтением. В бурные периоды XVIII—XIX веков деятели искусства активно включались в общественные движения, кружки и партии. И только в XIX веке родился и широко распространился тезис «искусство для искусства», руководствуясь которым часть деятелей искусства пыталась отгородиться от остального мира и общества, замыкаясь в эстетическом гетто.

Критик: *То есть сам тезис «искусство для искусства» скорее предназначался для внешнего употребления, нежели являлся руководством к действию?*

Автор: Конечно, так было даже у наиболее рьяных его апологетов. От Шарля Бодлера до Оскара Уайльда, от импрессионистов до акмеистов и дадаистов деятели искусства жили как бы двойной жизнью. Будучи активными участниками общественно-политических дискуссий и процессов, они самым непосредственным образом влияли на переоценку общественных ценностей — как своими произведениями, так и своей жизнью, поведением и публичными высказываниями. И их произведения, и их публичное поведение вызывали защитную реакцию со стороны общества. Например, не принимая мораль и эстетику сборника «Цветы зла», общество могло ответить на них только цензурным запретом. Не принимая эстетику и взгляд на мир художников-импрессионистов, парижские власти несколько раз закрывали их выставки как оскорбляющие общественную мораль. Оказываясь в таких условиях, художники предпочитали перенаправлять агрессивную реакцию общества со своих произведений на себя лично. Они предпочитали сами подвергаться преследованиям (даже таким, как в случае с Оскаром Уайльдом), но защитить свои произведения, чтобы они продолжали издаваться и выставляться. Тезис «искусство для искусства» как нельзя лучше соответствовал стратегии деятелей искусства эпохи расцвета модерна и использовался художниками той поры в целях защиты.

Критик: *Но потом этот тезис стал пониматься буквально, как мировоззренческая установка, в соответствии с которой следовало строить свою жизнь и деятельность.*

Автор: Да, в XX веке часть художников уже не защищала таким образом свои произведения и свое искусство, а действительно устранялась от участия в обсуждении актуальных проблем современности. И это устранение имело свои последствия, главными из которых были следующие. Часть художников, руководствовавшихся таким тезисом, приходила к полной потере коммуникативных функций

своих произведений. Такое искусство деградировало и переставало быть искусством. Другие, создавая свои произведения, участвовали в культурной коммуникации, не осознавая этого, что вело к утрате рефлексивности искусства, к элитарной и кастовой замкнутости самих художников. В наше время обе тенденции продолжают действовать.

Критик: *Но наряду с этими действуют и другие тенденции. Например, в тоталитарных обществах СССР и фашистской Германии в различных формах пропагандировалась ангажированность художника. В Советском Союзе говорили о партийности искусства, в нацистской Германии — о его расовом характере. В более мягких формах эта тенденция к ангажированности искусства, переходящей в сервильность, проникала и в демократические общества. Яркими примерами могут быть художник Диего Ривера и писатели Ромен Роллан, Джанни Родари.*

Автор: Да, сегодня найти грань между сервильностью и сохранением включенности в общественную дискуссию стало крайне сложно, это требует больших рефлексивных усилий от художника. Но это еще не все. Нормальному полноценному включению в культурную коммуникацию деятелей искусства и художников мешают не только установки и идеологические тезисы. Этому препятствуют и усиливавшаяся в эпоху модерна во всех областях человеческой деятельности специализация. Было время, когда художники читали философов, поэты философствовали, ученые ходили на выставки. Но затем в каждой сфере деятельности усложнялись методы и подходы, вырабатывался специфический язык. Представители различных областей деятельности перестали понимать друг друга. Во второй половине XX века философов понимали уже только другие философы, да и то с трудом. В современной живописи стали разбираться только сами художники и узкая каста искусствоведов. Поэтические сборники издавались мизерными тиражами, охватывающими узкий круг личных знакомых и почитателей поэтов. Массовым и распространенным оставались только кинематограф, эстрада, развлекательная литература и дизайн. К концу XX века представители различных областей деятельности стали интенсивно искать новые формы контактов и взаимодействия. Культурная коммуникация

сама стала актуальной проблемой современности. Она попала в разряд утрачиваемых ценностей, требующих переоценки и восстановления.

Критик: *Все примеры и привлекаемый материал — из мировой культуры. Из глобального или исторического культурного контекста. А Беларусь в этом контексте? Мы и наша культура участвуют в процессах, о которых мы говорим?*

Автор: Эти процессы — поиска контакта, попытки включения в коммуникацию, попытки освоить языки других областей деятельности — в Беларуси тоже идут, хотя, может быть, не столь интенсивно и осознанно. Очень часто попытки наладить коммуникацию останавливаются шаблонными ритуальными высказываниями типа тех, о которых мы говорили выше. Но окончательно остановить коммуникацию невозможно, поскольку актуальность переоценки ценностей в Беларуси очень высока. Политики не только не могут справиться с задачей переоценки ценностей сами — без педагогов, ученых и художников, но даже не знают, как подступиться к решению этой задачи. Философы знают, как подступиться, и могли бы объяснить политикам. Но последним мешают нерефлексивно принятые и утвердившиеся стереотипы. Произвести переоценку этих ценностей и разрушить стереотипы можно было бы средствами искусства, но для этого и политики, и ученые, и педагоги, и философы, и художники должны быть вовлечены в общую коммуникацию по самым острым и значимым проблемам современности.

Резюмируя этот диалог, следует восстановить ряд наиболее важных тезисов, задающих представления о культуре, которые позволяют занимать деятельностную позицию по отношению к культурному процессу:

1. Культура — это все то, что транслируется и реализуется. Содержанием культуры являются не вещи как таковые, не события, не люди, а только то в них, что транслируется и реализуется — нормы, эталоны, прототипы, образцы деятельности, поведения и отношения

человека к окружающему миру, себе и людям, которые воплощены или зафиксированы в этих вещах, событиях и людях.

2. Содержание культуры имеет два модуса существования. С одной стороны — в отношении трансляции — нормы, образцы и эталоны существуют «объективно» и безоценочно. Они могут быть каталогизированы, описаны и изучены. С другой стороны — в отношении реализации — нормы, образцы и эталоны требуют оценки и интерпретации. И в конкретной исторической ситуации они существуют в виде ценностей и идеалов.

3. Исторический культурный процесс может быть описан как процесс переоценки ценностей: смена статуса идеала и ценности от одних норм и образцов к другим нормам и образцам. Переоценка ценностей происходит в рамках исторической коммуникации — интерпретации, оговаривания и договаривания по поводу статуса ценностей и идеалов.

4. Произведения искусства и художественное творчество являются одними из наиболее весомых аргументов и реплик в рамках коммуникации по переоценке ценностей. Искусство в культуре или культурном процессе является одним из механизмов оценки и интерпретации, одним из инструментов перевода тех или иных норм и образцов в ценности и идеалы для каждой конкретной исторической ситуации. И этот механизм и инструмент, наверное, самый эффективный из всех возможных.

5. Осмысленное, рациональное участие художественного творчества и создания произведений искусства в общественной коммуникации по переоценке ценностей наталкивается на стереотипы и барьеры. Эти стереотипы и барьеры замыкают прагматическое отношение к процессам творения в сферу «искусства ради искусства». Это не исключает художников из коммуникации, но делает их безответственными, а их действия неосмысленными, нерациональными и неуправляемыми (в том числе не самоуправляемыми), а подверженными внешним манипуляциям.

6. Для достижения успеха в переоценке ценностей необходимо включение деятелей искусства в плотную коммуникацию по наиболее важным и острым проблемам современности. Предметом таких дискуссий являются столкновения норм и образцов, претендующих на статус ценностей и идеалов в беларусском обществе.

Где искать европейскую Беларусь? Европейские основы современной Беларуси

Переоценка ценностей в Беларуси: от деклараций к общественному диалогу. Язык науки и искусства в общественной коммуникации. Свои и чужие ценности на этапах самоопределения нации. Что осталось самым советским? Эпоха «двух королей» — первый геополитический выбор. Кого называть героем? Поражения и проблемы в истории прав и свобод в Беларуси. Противоречивая история религиозной толерантности.

Переоценка ценностей в Беларуси: от деклараций к общественному диалогу

Впервые после нескольких веков зависимого существования в качестве провинции и периферии других государств и империй Беларусь стала независимым государством и суверенной нацией. Уже сам этот факт позволяет характеризовать наше время как эпоху интенсивной переоценки ценностей, как эпоху самоопределения нации, сопровождающуюся переосмыслением, переинтерпретацией всего того, что мы знаем и помним о себе как о народе и нации, то есть своей истории и своего места в мире. И раз уж нам выпала судьба жить в эпоху перемен, когда меняется очень многое, в том числе и ценности, необходимо делать это осознанно и с пониманием, рационально управляя переменами, в том числе и переоценкой ценностей. А чтобы управлять, нужно знать и представлять себе сам процесс переоценки ценностей, желательно во всей его полноте и сложности. Простейшие неуправляемые формы переоценки ценностей могут сводиться к примитивному переворачиванию, когда то, что считалось ранее хорошим, объявляется плохим, и наоборот. Черное становится белым, высокое — низким. Вряд ли можно полностью избежать такой простоты и примитивности в эпоху радикальных перемен, но Беларусь уже прошла этот период в начале 90-х годов. Теперь уже историкам современности предстоит оценивать и анализировать успехи и поражения, достижения и ошибки этого периода нашей истории. Практика перемен требует от нас более серьезного и глубокого отношения к происходящей переоценке ценностей. Мы уже не можем удовлетворяться простым провозглашением и декларированием иной, отличной от прежней, оценки событий и явлений. И старые, и новые личностные, субъективные оценки требуют аргументации, доказательств и обоснований. А поскольку это все-таки оценки, а не логические конструкции и математические теоремы, то никакие доказательства и аргументация не могут быть окончательными и заданными раз и навсегда.

Кроме того, важно не только то, какой именно трактовки и оценки придерживаются те или иные субъекты, общественно-политические или культурные группы. Важно то, что процесс переоценки ведется на высоком логическом, культурном, художественном уровне. И участвующие в этом процессе не только высказывают собственные мнения, но и с уважением и вниманием относятся к мнениям и оценкам оппонентов. В аксиологии и этике важны не только обоснованность и аргументированность мнений и оценок, но и достижение согласия. При этом согласие не означает утверждение одной, единственно правильной или усредненной оценки. Современная культура и общество плюралистичны. Общественное согласие достигается не за счет установления единого мнения, а через готовность к сосуществованию мнений и подходов. Это означает, что не совпадающие и даже противоположные мнения и оценки сосуществуют друг с другом, а общество дает свое согласие на их сосуществование или просто существование.

Но где и как существуют мнения и оценки? Мы не можем утверждать, что некоторое мнение или оценка существуют, если они не высказываются, не присутствуют в коммуникации, не реализуются в общественной практике. И это задает два разных модуса существования мнений и оценок. В общественной коммуникации (как массовой, так и специализированной и узко профессиональной) могут существовать различные идеи, мнения и оценки. В коммуникации они обсуждаются с той или иной интенсивностью и в той или иной форме, время от времени становясь более или менее актуальными. Но не все идеи, мнения и оценки, присутствующие в коммуникации, реализуются в общественной практике. Из коммуникации в практику и реализацию идеи, мнения и оценки проникают через систему фильтров и барьеров. Этими фильтрами и барьерами являются демократические процедуры принятия решений. Но если какие-то идеи, мнения и оценки преодолевают эти фильтры и становятся основанием для принятия решений и действий в той или иной области общественной практики, это не означает, что другие идеи, мнения и оценки забыты или окончательно отвергнуты. Они должны продолжать свое существование в общественной коммуникации, могут

использоваться для критики и рефлексии общественной практики и дальнейшей переоценки ценностей. Никогда демократические процедуры не могут гарантировать безошибочности решения. Демократия всего лишь обеспечивает понятные и прозрачные процедуры перевода идей из коммуникации в практику. В изменившихся ситуациях теми же демократическими процедурами могут быть «отобраны» к реализации иные идеи.

Эти два модуса существования идей, мнений и оценок (общественная коммуникация и общественная практика) по-разному соотносятся с процедурами переоценки ценностей. В общественной практике реализуются те идеи и мнения, которые признаны ценными, то есть они реализуются в практике как ценности. А общественное согласие в том и состоит, что общество считает эти идеи и мнения ценностями. В общественной коммуникации ценность реализуемых идей может подвергаться сомнению. Точно так же в общественной коммуникации может аргументироваться и доказываться ценность других идей и мнений, которые еще никогда не реализовывались. Поэтому процесс переоценки ценностей разворачивается, по преимуществу, в общественной коммуникации, а общественная практика — поставляет материал и аргументы для сомнений, критики и ревизии, то есть для переоценки ценностей.

Язык науки и искусства в общественной коммуникации

Разбирая процедуры и схемы переоценки ценностей, мы сосредотачиваемся на общественной коммуникации и не можем обойти своим вниманием язык. В контексте нашей темы нас в первую очередь будет интересовать язык культуры и искусства. Карл Поппер выделяет четыре функции языка: экспрессивная, коммуникативная или сигнификативная, дескриптивная и аргументативная. Это функции языка как такового, и они присущи каждому из конкретных и специальных

языков. Но если рассматривать язык общественной коммуникации в целом, то удельный вес и значение каждой из этих четырех функций различаются среди разных специальных языков. Так, язык науки в общественной коммуникации в первую очередь нагружен аргументативной функцией, хотя в Новое время он все больше и больше нагружался дескриптивной функцией — функцией описания, тогда как за языком искусства по преимуществу закрепляется экспрессивная функция.

Такое различие языков определяет и сферу их употребления и существования. Язык искусства имеет гораздо более широкое распространение и большую сферу влияния, чем язык науки, даже с учетом наличия элитарного искусства и популяризации науки. Языком искусства можно говорить со всеми и в самом широком диапазоне ситуаций. В идеале — искусством может быть проникнута вся жизнедеятельность людей. Музыка, архитектура, дизайн неразлучно сопровождают современного человека. Наука же, даже став массовой профессией, остается профессиональным занятием и локализована в образовательном процессе. В проявлении своей дескриптивной функции языки науки зачастую прибегают к средствам искусства, а иногда и идеологии. Хотя современный повседневный и даже бытовой язык испытывает очень сильное влияние языка науки. А язык политики и идеологии настолько копирует нормы и стандарты научного языка, что эти сферы сами превращаются в квазинаучные. При этом не все виды и жанры искусства и не все области науки принимают одинаковое участие в переоценке ценностей. Мы не можем целиком исключить естественные науки из процесса переоценки ценностей, хотя естественнонаучная методология вообще не предполагает работы с ценностями. Дело в том, что сама наука становится ценностью, и придание научного статуса тем или иным утверждениям существенно повышает силу этих утверждений в качестве аргументов коммуникации. Но сделать некую идею или мнение ценностью в глазах людей и в массовом сознании способно только искусство.

Сейчас мы рассматриваем только две группы (язык науки и язык искусства) из всего множества различных языков, поскольку они противоположны как по своему характеру и устройству, так и по

преобладающим функциям, которые они выполняют в общественной коммуникации. Но для процесса переоценки ценностей важно не только их противопоставление, но и их взаимозависимость и взаимовлияние. Художник посредством владения языком искусства способен придать той или иной идее, факту или феномену статус ценности, а иногда и сделать это массовой ценностью; но чтобы совершить это, он должен быть сам глубоко убежден в ценности идеи или феномена. А для этого его внутренняя убежденность должна основываться на аргументированности и доказанности. Конечно, внутренняя глубокая убежденность может базироваться на вере или на иррациональных чувствах. Но два века Просвещения и Модерна существенно сузили сферы веры и чувств, тогда как критичность и скептицизм, наоборот, стали сильно распространены. Сегодня любой образованный человек склонен к скепсису и критичности по большинству тем и проблем.

Тоталитарные идеологии XX века пытались противостоять общей тенденции рационализма, просвещения и модерна, культивировали догматизм в квазинаучных формах. Наиболее успешным в этом противостоянии можно считать советскую идеологию, целенаправленно и систематически культивировавшуюся более семи десятилетий. Но результатом стали не новая вера и убежденность в незыблемости коммунистических ценностей и идеалов, а нарастающий цинизм и индифферентность к большинству идей в качестве ценностей. Действительно ценились только материальные и физиологические ценности. Советская идеология объявляла главным своим врагом западные демократические ценности и идеалы, но это была только декларация. Реальным врагом и разрушителем советской идеологии был обыватель, циник и потребитель. Проникновению западных ценностей Советский Союз научился эффективно противостоять с помощью образования, монополизации СМИ, средств искусства соцреализма. Но борьба с вещизмом, потребительством и обывательщиной советской системой была проиграна вчистую: борясь с ними, советская идеологическая система выращивала из советских людей обывателей, цинично относящихся ко всем ценностям, кроме материальных. В момент развала СССР главными участниками

общественной коммуникации и общественной практики стали носители иных, несоветских ценностей.

В период конца 80-х — начала 90-х годов совокупность этих несоветских ценностей была плохо структурирована и осознана. Важна была именно их инакость. Это множество складывалось из архаичных и досоветских, заимствованных с запада и новых современных ценностей (религиозных, националистических, либеральных, консервативных и т.д.), которые противостояли советским (коммунистическим) ценностям. И эти иные ценности и общественные силы, руководствовавшиеся ими, оказались сильнее благодаря ситуативному единству и консолидации многообразия. Но сильнее кого? Сильнее носителей, разделяющих советские (коммунистические) ценности, при безразличном созерцательном отношении циников и обывателей, составлявших большинство населения СССР. После своей победы носители иных (несоветских) ценностей не смогли — да и не могли по самой природе своего разнообразия — сохранить единства и консолидации. Поэтому не могли и организовать общественную практику на основе своих ценностей. Постсоветское пространство было охвачено глубоким системным кризисом, подрывающим материальные основы существования абсолютного большинства населения. И тогда на первый план выдвинулась не борьба идей, а борьба за выживание. Дискуссии о ценностях стали сходить на нет, коммуникация стала фрагментарной, рассыпалась на множество локальных групп и ситуаций. И только в последние десятилетия, когда материальные основания (говоря марксистским языком — базис) были восстановлены, общественная коммуникация снова становится возможной и актуальной. Однако культура ведения такой коммуникации в эти годы не получила развития. Институты образования, СМИ, науки и искусства переживали кризис вместе со всеми общественными институтами, но, в отличие от институтов повседневности, хозяйства, до сих пор из кризиса не вышли. Оказались разрушенными коммуникативные связи между различными институтами, и их необходимо восстанавливать, а иногда и отстраивать заново. В первую очередь имеются в виду связи между наукой и искусством; наукой, искусством и политикой; наукой, искусством и образованием, и т.д.

Современное беларусское искусство практически никак не влияет на образование ни на одном из его уровней; точнее, не встроено в него и не имеет продуманного воздействия. То же самое можно сказать и про науку. В результате экспрессивная функция языка, формирующая массовые, общенациональные ценности, реализуется на старом содержании искусства, публицистики, интегрированных в школы и СМИ еще с советских времен. Новые поколения беларусов не получили детской литературы, современной по форме и содержанию, произведений искусства, овладевающих чувствами и занимающих умы. Они незнакомы с достижениями современной беларусской науки, среди которой следовало бы выделить историческую науку, а затем и весь комплекс гуманитарных знаний. Переоценка ценностей невозможна при игнорировании и забвении одной или нескольких функций языка общественной коммуникации. Изолируйте аргументативную функцию — и вы не получите нового содержания, новых идей, мнений и ценностей. Изолируйте экспрессивную функцию — и даже имеющиеся новые идеи не получат распространения и никогда не станут общественными ценностями. Все функции языка должны быть соразмерно и адекватно современным проблемам увязаны между собой и реализованы в общественной коммуникации.

Свои и чужие ценности на этапах самоопределения нации

На протяжении всей эпохи модерна одной из главных категорий и ценностей считалась категория «нации». Постепенно она стала задавать масштабы и границы мышления и о культуре, и об общественной практике и коммуникации. К XX веку эта ценность оформилась в «право наций на самоопределение». Само по себе самоопределение понимается достаточно широко. В предельном случае нация самоопределяется как отдельное суверенное госу-

дарство, но возможным и допустимым является участие нации в различного рода союзах, конфедерациях, федерациях и даже культурной автономии в рамках другого государства. Иерархия ценностей (которые присутствуют в общественной коммуникации и политике) на разных этапах самоопределения наций существенно различается. Например, на этапе борьбы за суверенитет и независимость на первый план могут выходить одни ценности, а после завоевания независимости и достижения ее необратимости — другие. В борьбе за независимость ценность этой самой независимости выступает доминирующей и даже задающей содержание других ценностей. Но после обретения независимости на первый план выходят совершенно другие вопросы и проблемы. Например, проблемы геополитического и цивилизационного выбора в период борьбы за независимость могут дискутироваться абстрактно. Но уже став суверенной, нация должна такой выбор сделать, воплотив его в политических и экономических шагах и действиях. В нашем случае это приобретает форму борьбы с «навязанными» западными ценностями. Геополитический и цивилизационный выбор культурной ориентации имеет несколько уровней. Первый и простейший — самоидентификация: «Кто мы?», или, в отстраненной форме, «Кто такие беларусы?» Казалось бы, никто в здравом уме не может отрицать, что беларусы — европейцы. Но одно дело сказать отстраненно и абстрактно, что беларусы — европейцы, и совсем другое — самим себе сказать: «Мы — европейцы». В период, когда проблема геополитического и цивилизационного выбора переходит в практическую плоскость, становится понятно, что помимо сходства с остальными европейцами у нас есть и существенные различия. Чего же больше — сходств или различий? Что важнее: то, что нас объединяет, или то, что делает нас особенными? Та часть нации, для которой ценность различий в этот период самоопределения оказывается важнее, начинает искать иные формы самоидентификации. Например — «да, мы европейцы, но гораздо важнее и ценнее, что мы славяне». И в каждой конкретной ситуации те или иные конкретные ценности начинают сортироваться на «свои» (например славянские; мы сейчас даже не будем затрагивать советские ценности, которые в

90-е годы гораздо чаще выставлялись альтернативой западным) и «европейские», далее по умолчанию считающиеся «чужими».

Логичность такого рода рассуждений весьма сомнительна. По форме рассуждения могут строиться как логически непротиворечивые и даже строгие, тогда как в основаниях самих рассуждений лежат либо иррациональные полагания, либо логические ошибки. Но достаточно того, что в рассуждении и дискуссии те или иные ценности начинают делиться на «свои» и «чужие». Разумеется, это деление может применяться как к неактуальным ценностям, так и к актуальным, более того — остро политическим. Скажем, в наше секуляризированное время вопрос о том, какая религия является более традиционной, менее традиционной или нетрадиционной, может занимать умы верующих, интеллектуалов, заинтересованных специалистов. Но актуальность решения этого вопроса уже далеко не такова, какой она могла быть в эпоху Реформации и даже в XIX веке. Зато более актуальными и жизненно важными становятся другие вопросы. Например, верховенство закона или социальная справедливость и защищенность. Еще с советских времен верховенство закона, хотя никогда не отрицалось, объявлялось привнесенной буржуазной или западной ценностью. То же самое с демократией, которая в речах беларусских идеологов часто употребляется в словосочетании «так называемая демократия». Сопротивляясь введению принципов верховенства закона и демократии, идеологи апеллируют к традициям беларуского народа, а в некоторых случаях к конструкциям вроде «православной цивилизации» или «славянской цивилизации». Аргументация в таких апелляциях всегда была надуманной и манипулятивной, но часто эффективной. Противники демократии ссылались на широко известные исторические события, имена исторических деятелей, нагруженные в народной памяти позитивными смыслами и героизированные. Если с именами героев связаны действия и поступки, считающиеся полезными и позитивными, пусть и не демократические и не правовые, то такого рода демагогия и манипуляции достигают своей цели. В общественном мнении продолжает доминировать убежденность в том, что у беларуской нации нет демократических традиций, что они привносятся и навязываются извне.

Рассудочные аргументы, ссылающиеся на другие исторические события и имена, в этом случае не срабатывают. Во-первых, потому, что другие события и имена недостаточно широко известны. Но даже если их известность может быть повышена через серию публикаций или введение в учебники истории, этого все равно будет недостаточно до тех пор, пока будет сохраняться героизация одних имен и безразличное в эмоциональном отношении присутствие других. То есть простое информирование и даже научные знания ограничены в своем влиянии на общественные процессы уже существующей структурой ценностей и идеалов. Историческая наука оперирует знаниями, но не создает героев и не развенчивает злодеев и преступников. Это дело литературы и искусства.

История Беларуси полна свидетельств о борьбе беларусов за свои права — личные и гражданские. Можно ли на этом основании утверждать, что национальные традиции беларусов включают в себя традицию борьбы за права человека и гражданина? Возможно, для кого-то научных аргументов вполне достаточно, но если брать общество в целом и общественное мнение, то приходится констатировать отсутствие такой традиции. Но — отсутствие именно в конкретной исторической ситуации, здесь и сейчас, вчера и сегодня. Все может измениться завтра. Традиция — это не то, что было в прошлом. Это то, что транслируется и реализуется в современности. А исторический материал — это то, что дает традиции основательность и укрепляет ее.

Мы знаем, что история разнообразна и противоречива. Говоря о переоценке ценностей, мы обязаны учитывать это разнообразие и противоречивость. И учитывая это разнообразие и противоречивость, мы должны отделять знание фактов от оценок и мнений по поводу этих знаний и фактов. В истории мы ищем материал для переоценки ценностей. Глядя на историю Беларуси, мы можем обнаружить множество сходных с европейскими процессов и событий, но можем увидеть и то, что нас отличало от многих европейских народов и даже от ближайших соседей. Пересматривая свое историческое прошлое, анализируя его, мы не можем огра-

ничиться количественным сопоставлением: чего в нашей истории больше — того, что нас роднит с другими европейцами, или того, что отличает от них? Нам придется переоценить сами проявления сходства и различия. Необходимо понять, что нас объединяет с европейскими странами — и что мы можем положить в фундамент наших традиций именно как наше, свое. Нам придется понять и проинтерпретировать наше отличие от других европейских народов. Но проинтерпретировать его не как то, что относит нас к некой неевропейской линии цивилизационного развития, а как особенности и отличия внутри европейского разнообразия. Ведь все европейские народы в той или иной мере отличны друг от друга.

Что осталось самым советским?

Во всем многообразии исторического материала мы сосредоточимся только на нескольких аспектах, а выделить их из множества других имеет смысл по основаниям актуальности и остроты обсуждения в современных общественных дискуссиях — не только в самой Беларуси, но и в интегрирующейся Европе.

До 1991 года Беларусь входила в состав СССР. Советский Союз как огромное федеративное государство самоопределялся не просто как одно из множества государств в мире, но как центр или лидер особого мирового порядка, противопоставлявший себя западной, в первую очередь — западно-европейской цивилизации. В течение многих десятилетий официальная идеология СССР строилась на категорических оппозициях западным ценностям. В 70-е годы прошлого века в мире распространилась теория конвергенции двух систем. Постепенно в некоторой ослабленной форме эта теория утвердилась и в Советском Союзе. Ценности и категориальные оппозиции стали подразделяться на те, которые являются общими в странах социалистического лагеря и в западном мире, и те, которые по-прежнему противоположны на Западе и в СССР. На основе общих ценностей страны первого и второго мира (то есть

страны с рыночной экономикой и демократией и социалистические страны) могли сотрудничать друг с другом и даже совместно действовать в странах третьего мира. Предполагалось, что для стран первого и второго мира ценности инноваций и развития являются общими, и не только в декларируемой форме, но и в реализации. А вот противостояние осуществляется по ценностям демократии, свободного рынка, частной собственности и прав человека. В противоположность западной демократии советская идеология предлагала некую иную — социалистическую, или народную демократию. Вместо свободного рынка — плановую экономику, вместо частной собственности — коллективную и государственную, а вместо прав человека советская идеология ничего не предлагала, но наполняла это понятие совершенно иным содержанием. Фактически права человека подменялись социальной защищенностью и удовлетворением потребностей.

Теория конвергенции двух систем существовала одновременно с реальностью соревнования этих систем и конкуренции между ними. Возможно, когда-нибудь конвергенция или схождение и взаимопроникновение этих общественных систем могло бы стать реальностью. Но СССР вместе с социалистическим блоком проиграл в конкурентной борьбе. Конец 80-х — начало 90-х годов характеризовались не столько конвергенцией и взаимовлиянием двух миров, двух идеологий и двух систем ценностей, сколько распадом социалистического блока и переходом большинства отколовшихся частей к западной системе ценностей и идеологии.

Беларусь не входит в это большинство. Здесь по инерции продолжали существовать, транслироваться и реализовываться система ценностей и идеология, несколько отличные от советской, но восходящие к ней своими корнями. При этом основные идеологические оппозиции претерпели существенные изменения. Беларусь — маленькая страна, которая не может позволить себе отгородиться от внешнего мира железным занавесом, сохраняя в неприкосновенности свои идеалы и ценности. Беларусь вынуждена смириться с проникновением в страну рыночных отношений и

допустить введение частной собственности в большинстве сфер — может быть, за исключением частной собственности на землю. Свободный рынок и частная собственность стали допустимыми даже на уровне идеологии, но с дополнениями типа «частная собственность допустима, но государственная лучше», «рыночные отношения существуют, и с ними приходится считаться, но при любой возможности необходимо прибегать к плановому вмешательству государства в экономические процессы и даже прямому протекционизму». А вот отношение к демократии и правам человека практически не претерпело изменений. Именно поэтому из всех линий противостояния беларусской государственной идеологии, фактически подменяющей собой общественное мнение, мы ограничимся рассмотрением только категорий демократии и прав человека. Насколько проявления демократии и борьбы за права человека характерны и специфичны для Беларуси в ее историческом развитии? Насколько они могут считаться для беларусов своими, а не привнесенными извне, и насколько они могут стать содержанием беларуских традиций?

Разбираться с этими вопросами мы будем в уже привычном формате диалога и с теми же участниками: автором и критиком.

Критик: *Возвращаясь к практическому вопросу о сносе памятника Ленину. Помня о том, что это действие является репликой в культурном диалоге и переоценке ценностей, можно поставить вопрос следующим образом. Фигура Ленина ассоциируется с социалистическими ценностями, социальной справедливостью, правами эксплуатируемого класса и т.д. Это одна из возможных и довольно популярных версий «прав человека и демократии». Если эти ценности следует заменить, то кому из исторических персонажей следовало бы ставить памятник?*

Автор: Вопрос кажется простым, но это только кажется. Давай оценим историко-культурную реплику «Ленин» по параметрам, которые мы обсудили. Скажем, пространственно-временное

распространение этой реплики. Ведь Ленин — это фигура не беларусского, а мирового масштаба. Есть ли в беларусской истории аналогичные персонажи? Думаю, что нет. Распространить славу Льва Сапеги столь же широко, как славу Ленина, вряд ли удастся. Значит, адекватный ответ должен превосходить Ленина по другим параметрам: например, модальности, интенсивности или смысла для беларусов. Пусть Ленин принадлежит всему миру, но для нас, беларусов, какое-то другое имя может быть наполнено большим смыслом — нашим, «тутэйшым». Поэтому решать, кому ставить памятники на месте снесенных памятников Ленину, нужно с учетом модальности, интенсивности, содержания и смысла тех имен, которые мы можем предложить. Может быть, адекватным ответом на культурную реплику «Ленин» будет целый список белорусских национальных героев.

Ленин, как пелось в его любимой песне, предлагал разрушить весь мир до основанья, чтобы возвести на нем нечто иное. И теперь это иное доминирует надо всем в Беларуси, как национальная библиотека над микрорайоном «Восток». Тогда нам нужно, убирая Ленина, восстановить те отдельные ценности и идеалы, которые были им разрушены. И эти ценности и идеалы имеют свои названия — демократия, терпимость, права человека, верховенство закона — и своих исторических персонажей, которые олицетворяют эти ценности для беларусов. Например, Лев Сапега может олицетворять ценности законности и конституционности, Антоний Тизенгауз — ценности индустриализации и модернизации хозяйственного уклада, Кастусь Калиновский — борьбу с самодержавием и т.д.

Но для того чтобы лучше разобраться с такого рода вопросами, нам следует углубиться в нашу собственную историю.

Критик: *Вот и давайте углубимся. Только будем помнить, что для всей более или менее образованной беларусской публики уже не является открытием утверждение, что в Беларуси времен ВКЛ были распространены общеевропейские нормы и стандарты*

«правового регулирования», что наши предки внесли свой вклад в становление демократии в Европе. Однако ты утверждаешь, что необходима переоценка. Что же тогда надо переоценивать?

Эпоха «двух королей» — первый геополитический выбор

Автор: Великое княжество Литовское, безусловно, принадлежит европейскому пространству. Это не оспаривается даже советскими историками. Но ведь эту принадлежность можно интерпретировать по-разному. Например, как оккупацию или зависимость этой территории. И тогда Российская империя восстанавливает историческую справедливость, «вырывая» большую часть земель ВКЛ из-под власти польско-литовских феодалов. И такие интерпретации достаточно распространены. Они-то и подлежат пересмотру и переинтерпретации, а именно — статус и характер включенности беларусских земель и народов в европейское пространство. В поисках аргументов против таких интерпретаций стоит обратиться к временам более ранним, предшествующим ВКЛ.

Дело в том, что Беларусь никогда не была вне Европы. До монголо-татарского нашествия все княжества, где правили Рюриковичи и Рогволодовичи, не выделяли себя из европейского контекста. Конечно, в те времена это понималось иначе: как принадлежность к христианскому миру, еще даже не разделенному категорически между Римом и Константинополем. И даже нарастающая напряженность между католицизмом и православием не вела к исключению из Европы православных по преимуществу славян, греков или румын. Хотя такая тенденция наметилась уже в XIII веке. Поэтому для нас важна эпоха двух королей, с которой начинается геополитический раскол между восточными и западными княжествами Рюриковичей.

Критик: *Кого ты называешь двумя королями?*

Автор: Даниила Галицкого — короля русского, и Миндовга — короля литовского. Именно они противостояли политике, которую начал Александр Невский, — обращение к ханам Золотой Орды за правом княжить в своей стране и считаться великим князем (ярлык на княжение). Через несколько веков, в период оформления Российской империи, Александр Невский был возведен в ранг православных святых и его политика была объявлена единственно правильной. Но она-то и вывела восточную часть владений Рюриковичей из Европы. Кстати, Новгород, в котором княжил Александр Невский, с этим не согласился и еще долго оставался европейским городом и государством.

Эпоху двух королей можно еще назвать «эпохой трех Новгородов». Новгород Великий с князем Александром, Новогрудок — столица короля Миндовга и Новоград Волынский — во владениях короля Даниила. В конечном итоге эти три Новгорода связаны с началом складывания русских, беларусов и украинцев как отдельных народов. Причем все три народа в этих Новгородах формировались как европейские[7].

Критик: *А как же выпадение русских-московских княжеств из Европы?*

Автор: К Новгороду это не относится. Новгород был и оставался европейским городом-государством вплоть до захвата его войсками Ивана III и разрушения его Иваном IV. Ведь если мы говорим в рамках переоценки ценностей, то все, что связано с Александром Невским и его политикой, было переоценено потом, для идеологического обоснования Российской империи. Сейчас нам следует переоценить все это заново. Александр Невский вовсе не герой,

---

[7] Новоград Волынский — это позднее название, данное Екатериной Второй, историческое название — Звягель. Да и первое его упоминание — разрушение города войсками Даниила Галицкого. Довольно натянутая, хотя и красивая концепция *(прим. науч. ред.)*.

а скорее раскольник. Героем мы можем считать Даниила Галицкого, первого короля русского.

Критик: *Но ведь Даниил Галицкий постоянно воевал с Миндовгом за земли, которые сегодня составляют значительную часть Беларуси?*

Автор: Ну и что? А кто в ту эпоху не воевал? Все воевали со всеми. Так, немецкий орден в Эстонии воевал с Новгородом за земли. Это была обычная территориальная война феодалов. Это потом силами искусства и религии Ледовое побоище сделали символом войны цивилизаций. Ему придали значение, которое сегодня можно пересмотреть. Миндовг тоже воевал с немцами, с жамойтами, с Даниилом. И что из того? Обычные междоусобицы. Даже более поздняя Грюнвальдская битва Ягайло с Витовтом против Ордена всегда рассматривалась как битва европейских народов, а не битва цивилизаций — европейской и какой-то другой.

Критик: *Значит, это были европейские междоусобицы? Получается, что цивилизационного разрыва никогда и не было?*

Автор: Был. И начался он как раз в ту эпоху. Только границу этого разрыва следует проводить не там, где она обычно проводится. Российские и советские историки и идеологи проводят эту границу между Европой и восточно-славянскими княжествами, где правили Рюриковичи, т.е. по современной западной границе Беларуси и Украины. Но в эпоху двух королей эта граница наметилась между владениями тех князей, которые принимали геополитическую концепцию Даниила Галицкого, Миндовга и полоцких Рогволодовичей, и тех, кто принял геополитическую установку Александра Невского, т.е. будущие московские князья. Князья Великого княжества Литовского пытались помочь этим землям вернуться в Европу. Но московские князья уже не хотели возвращаться.

И с этого времени можно вести отсчет противостояния двух программ: проевропейской программы Даниила Галицкого и промонгольской, или евроазиатской, программы Александра Невского.

Современные российские авторы, не столько историки, сколько идеологи, например Дугин, склонны в этом противостоянии приписывать победу программе Александра Невского и поражение программе Даниила Галицкого.

Критик: *Победу и поражение на какой территории и на какое время?*

Автор: В том-то и дело, что эти историки и идеологи по-своему задают (а в наших рамках — искажают) масштабы и границы этой победы. Они модернизируют события XIII века, исходя из установок сформировавшейся Российской империи XVIII—XIX веков и Советского Союза. Но если рассматривать времена Даниила Галицкого и Александра Невского, то можно увидеть, что княжества, города и земли, которые приняли установки Галицкого, интенсивно объединялись и развивались, тогда как земли, признававшие ордынский ярлык на княжение, еще несколько веков пребывали в состоянии застоя. Складывание единого государства на этих землях началось позже на два века, уже во времена Дмитрия Донского. Самого же Александра Невского новгородцы дважды изгоняли с княжеского престола.

Но сейчас в Беларуси память Даниила Галицкого предана забвению, тогда как Александр Невский объявлен святым и множество церквей и приходов носит его имя. И дело даже не в том, что канонизация Александра Невского была чисто идеологическим актом — не наше дело оспаривать критерии канонизации православной церкви. Важно другое. Принятие установки на сближение с Европой вело также к принятию и множества других аспектов и элементов, присущих европейской цивилизации, включая развивающуюся в то время систему права, регулирующего общественные отношения.

Даниил Галицкий заслуживает того, чтобы называться национальным героем и одним из первых проевропейских политиков в памяти как минимум трех народов современности — беларусов, украинцев и литовцев. Литовские князья, начиная с Миндовга, по существу, продолжали реализовывать программу Даниила Галиц-

кого — и через повторение его политических действий, и через вмешательство в общеевропейскую политику.

Критик: *Это интересная интерпретация европейских основ Беларуси. Кроме того, что она вводит нового героя, здесь важны и основания, которые ты предлагаешь для переоценки. Ты переносишь акцент с того, как и когда беларусские земли и их герои попадали и включались в общеевропейскую историю, на то, что происходящее на этих землях — это естественная часть европейской истории. Тогда вопрос состоит в том, когда и как мы из этой истории выпадали. Поэтому рассматривать перипетии становления демократии и прав человека необходимо в контексте общих для Европы (хоть и внутренне разнообразных) процессов и тенденций.*

Кого называть героем?

Автор: Именно так. Демократия, права человека и свободы — все то, что мы считаем достоянием европейской цивилизации — не были изначально присущи европейцам, они завоевывались и видоизменялись от эпохи к эпохе. И даже будучи приобретенными одной социальной группой, они с трудом распространялись на другие слои и группы. Если уж мы начали с эпох раннего Средневековья, то надо согласиться с тем, что для XIII века были актуальны только политические свободы правящего класса и вольности феодалов. В истории становления европейского права особое место занимает Великая хартия вольностей, подписанная английским королем Джоном (Иоанном) Безземельным в 1215 году, то есть в эпоху Даниила Галицкого и Миндовга. Можно утверждать, что и Западная Европа, и складывающееся Великое княжество Литовское в это время находились примерно на одной и той же стадии развития права. Феодалы, землевладельцы, вольные города, с одной стороны, и верховная власть в лице королей, великих князей — с другой были

основными субъектами прав и свобод. Причем смотрели они на эти права и свободы с разных позиций и враждовали между собой по этому поводу. Английские бароны в вооруженной борьбе принудили своего короля даровать вольности. В Беларуси (тогда части Великого княжества Литовского) те же самые проблемы решались иначе. Централизованная власть короля или великого князя еще только закладывалась, и поэтому вольности феодалам, магнатам, а также городам, предъявлявшим свои права, гарантировались великим князем.

Борьба баронов закончилась подписанием единого для всех документа, а в ВКЛ в это время то же самое оформлялось договорами между великим князем и отдельными феодалами и городами. Но точно так же, как в основу Великой хартии вольностей легло обычное англо-саксонское право, так и в основе договорных грамот князей принималось обычное право племен и народов, из которых складывалось ВКЛ. И это не только обычное право славян, но и право народов, относительно которых сейчас нет никаких сомнений, что они европейцы. Так, полоцкие князья еще до вхождения в Великое княжество Литовское вступали в договорные отношения с немецкими городами на подвластной им территории (например, с Ригой)[8], и эти отношения был вполне европейскими в духе своего времени.

В те времена права и свободы еще не стали общераспространенной ценностью, и в каждом конкретном случае за них предстояло бороться как за привилегии. Поэтому при формальном равенстве шляхты магнаты добивались больших привилегий, а из городов лишь немногие могли отстоять свои права. Старые города Полоцк и Витебск стали отставать в этом отношении от Вильни, Гродно и Бреста, которые уже к концу XIV века оформили свои отношения с великокняжеской властью в форме Магдебургского права.

---

[8] Например: Договорная грамота полоцкого князя Изяслава с инфлянским магистром и городом Ригой. Договорная грамота князя Герденя с инфлянским магистром Конрадом фон Мандерном и городами Ригой, Полоцком и Витебском.

Критик: *Этот период истории Беларуси (XIII—XIV века) достаточно хорошо освещен в исторической литературе — там, где подается материал объективированной истории. Но что про это знает средний беларус, или как этот период подается в изобразительном искусстве, в литературе, в идеологии?*

Автор: Этот бурный период подается в популярной литературе и идеологии либо в концепции классовой борьбы, либо в концепции имперской истории России как непрекращающееся стремление беларусов к воссоединению с Россией. Но именно это и подлежит переоценке. Это время нужно понимать и интерпретировать как борьбу за права и вольности. Причем эта борьба складывалась в ежедневной практике отстаивания каких-то конкретных прав и привилегий. Победы и поражения, приобретенные и утраченные права и свободы — все это составляет интригу этого периода нашей истории. И в этой истории есть свои герои и свои злодеи.

Критик: *Но за давностью лет от этого периода нашей истории не сохранилось иных имен, кроме княжеских.*

Автор: И этого было бы достаточно для создания произведений искусства, если концентрировать внимание художников не на междоусобицах и военной истории, но на мотивах поведения и действий князей Гедиминовой династии. Это время должно быть представлено как время борьбы за права и вольности. В этой борьбе были заложены основы будущей шляхетской демократии и всех противоречий последующих времен, их достижений и слабостей.

Критик: *XIII—XIV века — это единственный период, в котором стоит искать героев, связанных со становлением прав и свобод, и который надо переоценивать?*

Автор: Конечно, нет. Героями этого времени были удельные князья. Позднейшие времена характеризуются иными героями.

Думаю, что мы опустим весь период, который можно вслед за Хёйзингой назвать «осенью Средневековья». Даже в советской идеологизированной истории это время описывается аналогично тому, что происходило в остальной Европе. Конечно, наши земли

в те времена были окраиной Европы, но именно Европы. Чего нельзя сказать про те княжества Рюриковичей, которые оказались в сфере влияния Золотой Орды и приняли программную установку Александра Невского. Другой окраиной был Великий Новгород с его республикой и широкими торговыми связями — один из самых европейских городов Средневековья на территории будущей России; он сохранялся таковым вплоть до завоевания его Иваном III и подчинения Московскому княжеству в 1478 году.

Советская история, описывая этот период, делает центром мира Москву (третий Рим) и все последующие эпохи оценивает через призму интересов централизованной московской монархии. История «немосковских» русских земель (того же Новгорода), а также беларусских и украинских, выпадает из поля зрения московских, а позже советских историков. Тем более не приходится говорить о представленности истории Литвы, Беларуси, Украины и Новгородской Республики в культуре и литературе.

Несколько веков (с XVIII по XX) российские и советские историки, идеологи, писатели рисовали историю в соответствии со своими ценностями и идеалами. Героизировалось и идеализировалось то, что отвечало интересам складывания централизованного московского государства — восточной деспотии, в которой и речи не было о правах и свободах; все остальное — в первую очередь европейское — либо демонизировалось, либо замалчивалось. Чаще именно замалчивалось. Между тем именно борьба за права и свободы в Литве и Беларуси — самая интригующая и занимательная история. И в этой истории нам еще предстоит узнать о многих героях, сражавшихся за идеалы и ценности, неведомые российским и советским историкам.

***Критик:** Но есть еще польская история и литература, которая служит примером совсем иного отношения и иных интерпретаций. И к ней сейчас все чаще обращаются беларусские историки и деятели культуры.*

Автор: Да, это еще один важный источник содержания в общественной коммуникации по поводу геополитического выбора Беларуси, хотя и значительно менее весомый. Однако с героями и

интерпретациями событий в польской версии следует разбираться отдельно и также внимательно. В этой версии, несомненно, линия развития и становления прав и свобод является одной из важнейших оснований для интерпретаций. Но сложные отношения между Польским королевством и ВКЛ создают особую зону для переосмысления не только в русле вопросов влияния, зависимости или независимости этих двух государств, но и в русле их различной, но общей европейской истории. Здесь нет возможности для такого внимательного разбора, поэтому вернемся все же к более важной для беларусского дискурса переоценке ценностей и интерпретаций, сформированных российской и советской наукой и искусством.

Критик: *Хорошо. Но мы не сможем рассмотреть всю историю. Давай остановимся хотя бы на ключевых событиях, фактах и персонажах.*

Автор: Разумеется. Конечно, трудно удержаться от упоминания некоторых широко известных фактов — например, Статута Великого княжества Литовского.

Критик: *Мы и не должны удерживаться от этого, но акценты в нашей теме нужно расставить как-то иначе, чем в большинстве книг и учебников. Например, говорить именно о правах и свободах, задекларированных в Статуте, и особенно о героях, деятельность которых привела к принятию Статута, о Льве Сапеге.*

Автор: Согласен, но Лев Сапега и так широко известен, даже отчасти героизирован. А вот не менее важные в истории Статута Астафий Волович, а также Альбрехт Гаштольд, под руководством которого работала комиссия, разрабатывавшая первый Статут 1529 года, незаслуженно забыты.

Стало банальностью называть XVI век Золотым веком Беларуси или ВКЛ. Но мало кто знает, что является основанием для такой метафоры. Ведь XVI век, помимо всего прочего, это время истинных культурных героев. В это время в Беларусь стали возвращаться многие, получавшие образование в европейских университетах. Самый знаменитый из возвращенцев — Франциск Скарына. Но были и

многие другие. Это они были читателями богатейшей научной, художественной и полемической литературы, которой знаменит этот век. Они же были и активными участниками полемики.

Критик: *Давай обозначим хотя бы несколько имен авторов, отстаивавших идею прав и свобод в это время.*

Автор: Ну, во-первых, это звезды полемической литературы. Их много — даже не знаю, кого выделить. Трудность еще и в том, что в полемике участвовали представители четырех главных конфессий XVI века — православные, католики, протестанты и униаты. У каждой из конфессий — свои звезды. Если говорить в рамках нашей темы, то особо следовало бы вспомнить Сымона Будного с его «Апологией грешного человека перед Богом». Его имя, с одной стороны, известно и даже героизировано, но не в рамках темы демократии и свобод. А именно это следовало бы сделать известным и почитаемым. Отстаивание прав и свобод в эпоху Реформации требовало апелляции к теологии. В полемике на эту тему участвовали Эразм Роттердамский и Гуго Гроций. Сымон Будный вполне достоин занять место среди этих властителей европейских умов XVI века. Аналогичная полемика велась между кальвинистами и арминианами в Голландии, Швейцарии и других странах.

Критик: *Но ведь борьба за права и свободы не ведется только в литературе, пусть и полемической? Ведь это еще и отстаивание этих прав и свобод в ежедневной практике.*

Автор: Разумеется. Но как мало мы знаем об этой борьбе в Беларуси! Обычно предметом изучения и гордости являются либо философские и литературные труды, либо кодифицированное право. Но чтобы стать частью права и быть осмысленным в произведениях, идеи свободы и отстаивания прав должны были стать частью образа жизни людей того времени. Чтобы не ходить далеко, снова вспомним Франциска Скарыну. Все знают о его изданиях Библии, но мало кто знает о судебных тяжбах Скарыны со своими братьями в Полоцке и с издателями в Вильне. А эти тяжбы как раз и составляли ткань жизни, в которую помещались

прославленные деяния! И эта жизнь была полна реализации тех идей, которые уже в форме произведений появлялись в истории. Например, биография Гуго Гроция немыслима без упоминания о судебных делах, в которых он участвовал, и это богатый материал для изучения правовой ситуации в Нидерландах того времени. Скарыне тоже приходилось отстаивать в суде свои имущественные и авторские права. И это происходило еще до принятия Статута А.Воловича и Л.Сапеги в 1566 году. Суды в Вильне и в Полоцке исправно работали и решали дела городских обывателей, в них можно было отстаивать свои права.

Исторической базой для понимания процессов оформления и развития прав и свобод являются прецеденты многочисленных судебных разбирательств в различных городах, документы о которых сохранились. Известны имена простых горожан, которые боролись и отстаивали свои права. И эти многочисленные случаи заставляли с ними считаться, оформлять прецеденты в кодексах законов, формировали правовую культуру.

Вообще, история литовского законотворчества — уникальное явление того времени даже для Европы. Об этом много написано, но ведь все это возникло не из ниоткуда. За этим стоит судебная практика и повседневная жизнь многочисленных шляхтичей, купцов, ремесленников и даже крестьян — пока безымянных для большинства беларусов. Так, история воложинского приходского священника, который в 1570 году вызвал в суд митрополита и выиграл процесс, могла бы стать основой для литературного произведения или сценария, который бы раскрывал образ жизни и мысли тех времен.

XVI век — это не только век Реформации, но и окончание Ренессанса — эпохи, когда человеческое достоинство, индивидуальные свободы были самой актуальной проблемой. Обычно мы знаем об этом из биографий великих людей того времени и художественных произведений о них.

Критик: *Художественных произведений, созданных ими, ты хочешь сказать?*

Автор: Нет, художественных произведений о них, созданных позже. Литература того времени, как и живопись и театр, черпали свои сюжеты из прошлого, из классической древности. Так, Микола Гусовский писал о временах Витовта. Но он вкладывал в свою «Песню о зубре» то, о чем размышлял сам, то, что волновало его самого и его современников. То же самое можно сказать не только о художниках, но и о людях тогдашней науки.

Критик: *Наука в XVI веке — это, наверное, преувеличение?*

Автор: Конечно, науки в современном понимании тогда не было. Но можно вспомнить Михалона Литвина и его трактат «О нравах литовцев, татар и московитян». Хотя книга называется «О нравах», она не про этику. Хотя в названии упоминаются три разных народа, она не про этнографию. Эта работа скорее предшественница того, что позже станут называть социологией и политологией. Михалон Литвин берется рассуждать об устройстве государств, положении граждан, об их правах и свободах, об улучшении жизни государств и народов.

Нельзя обойти вниманием и Андрея Волана — философа, правоведа, активного полемиста. Он не только писал, но и выступал посредником в переговорах, выполнял дипломатические поручения, представлял интересы шляхты в сейме. Активно проводил идею свобод и прав граждан.

Можно вспомнить и экзотические случаи крайне радикального отстаивания своих индивидуальных прав и свобод. Например, Каспара Бекеша, соперника и соратника Стэфана Батория. В своем стремлении к индивидуальной свободе он отвергал и религию, и этику, скептично относился к законам государства. Может быть, это было и слишком эпатажно для своего времени, но без таких чудаков невозможен прогресс в правах и свободах. Кроме того, именно на материале жизни таких чудаков может быть раскрыт весь драматизм и сложность развития идей.

Поражения и проблемы в истории прав и свобод в Беларуси

Критик: *Получается, что этот Золотой век в истории Беларуси так хорош, с ним связано так много успехов и достижений, что совершенно непонятно, почему последующие эпохи не сохранили всего этого...*

Автор: XVI век — это время, когда в нашей стране пожинали плоды того, что было заложено в предшествующие времена: плоды свободы, разумного управления, плоды раскрепощенной человеческой активности. Но в определенном смысле сам XVI век был бесплоден — то есть он не заложил того, что давало бы свои плоды в будущем.

Критик: *Вот это уже интересно! То есть Золотой век был не совсем хорош — были и поражения?*

Автор: У каждого времени свои вызовы, свои задачи и проблемы. Два короля заложили основы для прав и свобод феодалов — магнатов, родовой аристократии, тех, кому они тогда были нужны и кто за них боролся. Но к XVI веку сами магнаты стали препятствием для прав и свобод других общественных групп и слоев. Это время, когда права и свободы стали волновать жителей городов — будущую буржуазию. Города в Литве росли и развивались, как и во всей Европе. Сами города и граждане городов становились субъектами и носителями прав и свобод. Именно в городах развивались идеи права и свободы. А гарантом прав и свобод горожан и мелкой шляхты в те времена могла быть только сильная централизованная монархия. И прогресс в области прав и свобод мог быть достигнут только в борьбе за централизацию и абсолютизацию власти монарха. Только абсолютная монархия могла обуздать произвол и волюнтаризм удельных князей и феодалов. В свою очередь, такая монархия могла установиться в унитарном государстве, а Речь Посполитая была федеративным государством двух народов. Причем народов — это уже

натяжка, скорее феодальных семей. Литва в этой федерации была «слабым звеном», она больше чем Польша нуждалась в федерации, постоянно испытывая угрозу с Востока. А решения в собственной стране литовские магнаты могли принимать только по согласованию с польскими магнатами.

Критик: *Интересно, что шляхетская демократия и существенное ограничение возможностей монарха в те времена составляет предмет гордости. Причем гордости именно в смысле развитости прав и свобод.*

Автор: Да, в частности, свободные выборы короля и «золотые вольности» шляхты часто описываются как развитие институтов демократии, сильно опережающее всю Европу. Но такие интерпретации и оценка скорее свидетельствуют о непонимании места и значения Речи Посполитой (и ВКЛ в ее составе) в общеевропейских процессах. Они скорее говорят о провинциальных комплексах и желании их преодолеть простыми способами. Если же рассматривать беларусскую историю как часть общеевропейских процессов, то очевидно, что выборность королей и гипертрофированные шляхетские вольности становились тормозом в развитии демократических институтов. Трудность согласований и компромиссов в условиях шляхетской демократии настолько занимала нобилитет Речи Посполитой, что выборы короля почти всегда приводили к принятию худшего варианта. Всех устраивал слабый король и слабая власть. Города же, которые становились главными в этот период институтами развития и гарантии прав и свобод, практически не принимали участия в выборах короля, а король не мог апеллировать к городам, когда пытался свою власть усилить.

Критик: *Но ведь одним из предметов нашей исторической гордости является Магдебургское право, обеспечивавшее самоуправление, права и свободы, как и во многих европейских городах?*

Автор: Да, и это было здорово, что в беларусских городах действовало Магдебургское право. Но в Европе существовало несколько моделей городского права, и Магдебургское — только

один из вариантов, и, может быть, не самый совершенный. Хуже того — даже Магдебургское право в ВКЛ было ограниченным. По своей свободе и возможностям беларусские города сильно уступали западноевропейским. При широком распространении Магдебургского права в ВКЛ многие города все же были в собственности магнатов. А частновладельческие города и политически, и экономически зависели от воли и решений магната. По сравнению с положением дел в Российской империи беларусские города, конечно, были примером демократии и обеспечения свобод. Однако в рамках общеевропейской истории это не совсем так.

Таким образом, при бурном культурном расцвете XVI века главные задачи не были решены, на вызов эпохи ВКЛ ответило неадекватно. С этого времени мы начали сильно отставать по аспекту демократизации, прав и свобод. Короли и города не справились.

Критик: *Это была единственная причина?*

Автор: Нет. Причин было несколько, и еще одну из них никак нельзя обойти. Для этого нужно переоценить еще один предмет нашей национальной гордости — религиозную толерантность.

Противоречивая история религиозной толерантности

Критик: *Но ведь религиозная толерантность всегда была одной из «прогрессивных» характеристик Беларуси и ВКЛ. Или это миф?*

Автор: Нет, это не миф, но нельзя относиться ни к одному явлению одинаково в разные периоды истории. То, что является ценностью и благом в одно время, может становиться чем-то другим — в другое. Так же и с религиозной толерантностью.

Критик: *Неужели толерантность может быть злом хоть в какую-то историческую эпоху?*

Автор: Злом не злом, но слабостью стать может. А также — причиной неудач и поражений в будущем. Давай посмотрим на Европу того времени. Это время называют Золотым веком не только ВКЛ, но еще и Англии и Нидерландов. И везде это связано с влиянием Реформации. Но XVI век — время религиозных войн. Ими охвачена вся средняя Европа, куда дотягивалась власть императора Карла V. Во Франции религиозное противостояние привело к гражданской войне. В Англии после смерти Генриха VIII религиозное противостояние приняло форму династической войны протестантки Елизаветы и католички Марии. В Нидерландах под религиозными знаменами идет война против католической Испании. Тихо в это время на европейских окраинах. На Пиренейском полуострове инквизиция не позволила прорасти Реформации, скандинавские короли мирно утвердили лютеранство в своих странах, Италия остается оплотом католицизма. И Речь Посполитая тоже пребывает в мире благодаря царящей религиозной толерантности. Распространение протестантизма привело к принятию Акта Варшавской конфедерации о религиозной терпимости в 1573 году, а позже способствовало примирению католической и части православной церкви через заключение Брестской Унии в 1596 году. Казалось бы, Речь Посполитая и ВКЛ могли бы выступать положительным примером для всей Европы, ведь религиозная толерантность распространилась в других странах на много веков позже. Но это будет так, только если мы переносим современное понимание толерантности на 500 лет назад. Тогда все было иначе.

Критик: *То есть снова нужна переоценка ценностей, как и со шляхетскими вольностями?*

Автор: Да. Нужно посмотреть на это иначе. Люди XVI века готовы были умирать за свою веру. И это было то же самое, что умирать за свободу — в этом воплощалась борьба за свободу совести. А как известно, в ходе борьбы происходит развитие и идей, и социальных или политических практик. Повезло скандинавским народам: перед ними этот вызов не встал так остро, как перед жителями Герма-

нии и Франции. Но там, где перед людьми этот выбор стоял, люди вели себя по-разному. Немцы, чехи, французы, англичане боролись и воевали за свободу исповедовать свою веру и умирали за эту свободу. А что у нас? Наши магнаты просто меняли свою веру в зависимости от обстоятельств и политической конъюнктуры. Причем многие делали это три-четыре раза в жизни. Мы помним славное имя Льва Сапеги, который был героем конституционного оформления прав, но с точки зрения верующих того времени он был конъюнктурщиком и ренегатом, дважды поменяв религию.

Англия, Нидерланды, Швейцария и немецкие княжества завоевали свою свободу, отстояли свои ценности с оружием в руках. Во Франции гугеноты проиграли войну. В Швеции и Дании монархи сами гарантировали свободу вероисповеданий. А в ВКЛ — стране традиционной религиозной толерантности — приучились менять веру как перчатки. То, что дается даром, не ценится. И в последующие времена от толерантности практически ничего не осталось. В XVI веке смена веры в ВКЛ стала обычным делом, но это было частным делом феодалов и свободных горожан. А потом веру меняли уже по указам и распоряжениям властей.

Критик: *Но и история Франции знает много случаев, когда люди меняли веру по нескольку раз в жизни. Можно вспомнить хотя бы Генриха Наваррского.*

Автор: Да, но во Франции принцип «Париж стоит мессы», автором которого был первый король династии Бурбонов, был и остается выражением цинизма, а не правилом. Литовские же магнаты хоть и не сформулировали такого афоризма, руководствовались этим принципом без угрызений совести, легко меняя веру ради получения политических выгод. Моральная индифферентность правящего класса оказывает разлагающее влияние на все слои общества. А в XVI веке религиозная толерантность стала приобретать формы морального цинизма.

Критик: *Но, с другой стороны, в Беларуси того времени известны и примеры верности и стойкости христиан.*

Автор: Да, достаточно вспомнить того же Иосафата Кунцевича. К сожалению, эти примеры трудносовместимы с современными ценностями, с современной трактовкой той же толерантности и политкорректности. Но я бы хотел обратить внимание на другой аспект. Золотым или не Золотым был этот век для Беларуси — но это время страстей, подвигов и злодеяний. И не только в Беларуси. Посмотрите, сколько книг, фильмов и других художественных произведений посвящено той эпохе во Франции, Англии, Нидерландах и других странах! Достаточно вспомнить Дюма с его «Королевой Марго», Шарля де Костера с «Тилем Уленшпигелем», не говоря уж про литературу о веке Елизаветы I. А в Беларуси? И ведь речь идет не об апологетической литературе, восхваляющей ту или иную историческую личность. Литература и искусство должны быть чувствительны к страстям и переживаниям поворотных эпох в истории своего народа. Это было время мучительного выбора — политического, религиозного, морально-этического. Пусть посполитый люд ВКЛ вышел из той эпохи не самым успешным образом, но только в искусстве можно переосмыслить и отрефлектировать как достижения, так и поражения. Если мы понимаем, что ключ ко многим событиям будущего лежит именно в Золотом веке Беларуси, то его нужно откопать, понять и извлечь уроки. История не учит ничему сама по себе. Она делает это через искусство.

Критик: *Хорошо. Понятно, что переоценке необходимо подвергать все аспекты нашего прошлого. Но давай оставим пока эту эпоху и хотя бы вкратце коснемся последующих столетий. Неужели ошибки были так велики, что беларусы последующих веков забыли о правах и свободах?*

Автор: Нет, конечно. Напротив. Пусть и приобретя специфику своего исторического развития, Беларусь оставалась в европейском контексте, и в нашей стране шли те же процессы, что и в остальных странах Европы. Просто мы почти не рассматривали свою историю в этом контексте. Например, XVIII век. Речь Посполитая — архаичное государство, по своей структуре напоминающее средневековую Священную римскую империю. У страны большие проблемы.

Такое аморфное государственное образование больше не может существовать, даже Священная римская империя перешла в иное качество, и Австрийская (ставшая позднее Австро-Венгерской) империя устроена куда современнее. В это время в Речи Посполитой происходят интенсивные реформационные процессы. Не все идет хорошо. Но создается новая конституция, страна превращается из аморфной федерации в унитарное государство. Жизнь Европы в это время бурно меняется под воздействием Великой французской революции. Но ведь мы идем за Францией след в след. Идем не в том смысле, что следуем ее примеру, — мы по-своему решаем те же проблемы на востоке Европы, что и французы на западе. И конституция 3 мая 1791 года была не копией какой-то чужой конституции, а логическим продолжением права Речи Посполитой и ВКЛ. Эта конституция декларировала гражданские права и свободы, которые в то время были законодательно оформлены только в США и Франции. Но мы привыкли рассматривать этот период только в контексте утраты независимости ВКЛ и разделов Речи Посполитой.

Критик: *А разве это неправильно?*

Автор: Это правильно. Потеря страны и независимости — самое важное событие той эпохи. Но мы не должны забывать, что страна была лишена независимости насильно. И, что еще важнее, традиция свободы и борьба за свои права на этом не закончились. Литва стала самой взрывоопасной и бунтующей частью Российской империи. Именно из наших краев исходили идеи свободы и расходились по всей империи. И не зря лозунг «За нашу и вашу свободу» родился здесь, в отряде повстанцев Эмилии Плятер — вот еще один кандидат в национальные герои. Она и есть герой.

И весь XIX век — это век борьбы беларусов за «нашу и вашу свободу». В этой борьбе забывалось даже этническое происхождение. Беларусь стала котлом, в котором переплавлялись этносы и рождались нации. И в этом мы тоже вполне похожи на остальные народы Европы. Даже оказавшись в «тюрьме народов» — Российской империи, мы жили и действовали как европейцы.

Поэтому мы не возвращаемся в Европу, мы не вводим в стране «чуждые нам» европейские ценности. Мы вспоминаем о них после двух веков азиатского пленения, мы заново их осваиваем.

Подводя итоги наших рассуждений и исторического экскурса, необходимо отметить несколько важных моментов. Мы не задавались целью дать здесь сколь-нибудь исчерпывающую интерпретацию истории прав и свобод в Беларуси. Наша задача состояла в том, чтобы начать дискуссию по этому поводу, опираясь на ряд важных оснований и принципов. И главным из этих принципов является необходимость рассматривать беларусскую историю в контексте процессов, которые шли в Европе. Это дает нам глубокое и иногда неожиданное понимание всей драматичности истории становления демократии.

Заключение

Автор этого текста исходит из убеждения, что Беларусь — страна европейская, настолько же похожая на другие страны Европы и настолько же отличная от них, насколько похожи и различаются все страны и народы большой европейской цивилизации.

Но в книге не стоит искать доказательств этой точки зрения или опровержения противоположной. Дилемма «Запад — Восток», «Европа — неЕвропа» — это антиномия. А в антиномиях, как известно, доказуемы противоположные утверждения. Впрочем, они как доказуемы, так и опровержимы. Так стоит ли заниматься бесконечным доказательством того, что с таким же успехом может быть опровергнуто? С позиций здравого смысла, наверное, не стоит. Но можно вспомнить казус Канта, у которого вся Европа учится работать с антиномиями. Когда он показал, что существование Бога — это антиномия, что можно с равным успехом логически доказать и существование Бога, и его несуществование, то не перестал интересоваться доказательствами и опровержениями на этот счет. Он думал о доказательстве бытия Бога, удивляясь его проявлениям в собственной жизни — звездному небу над головой и нравственному закону в себе самом.

Поэтому и автор поступает с антиномией европейской Беларуси именно так: европейскость Беларуси нужно доказывать. Но не

фактами прошлого, не логическими дедуктивными построениями, а деятельностью и поведением. Лучшим доказательством того, что Беларусь — европейская страна, является европейская политика Беларуси, европейская культура, решение собственных проблем по-европейски.

«Но ведь как раз все это — политика, культура, постановка и решение проблем в современной Беларуси, да и в истории тоже — доказывает обратное!» — может сказать скептик. «Нет, — говорю я, — и в истории, и в современности Беларуси есть доказательства и того, и другого. Можно пытаться подсчитывать, чего больше, но не в этом дело».

Дело в том, чтобы доказывать и опровергать по-европейски же. То есть критически и рефлексивно, а не просто перечислением фактов и достижений. Собственно, эта книжечка не доказательство, а критика, не перечисление фактов и достижений, а рефлексия нашего отношения к фактам и достижениям, победам и поражениям. Мне кажется, что в этом и проявляется глубокая суть европейской цивилизации.

Что такое Европа? Мы уже давно пережили евроцентризм, который приписывает Европе все цивилизационные достижения, а все другие народы считает варварами или культурно отсталыми, обязанными догонять Европу и учиться у нее всему. Мы не выделяем европейскую цивилизацию из всего остального мира, признавая достижения других цивилизаций и народов. Европа не лучше мусульманской, индийской, китайской (и какие там еще есть) цивилизаций, но и не хуже. Европа просто иная, отличная от других.

Для Беларуси вопрос ставится именно таким образом: Европа для нас другая? Мы и Европа иные? Или же мы, т.е. Европа, рассматриваем и критикуем сами себя?

Сейчас немодно рассматривать Европу как родину науки и технического прогресса. Мы уже сомневаемся в том, что наука и технический прогресс ведут нас в правильном направлении.

Но до сих пор Европа рассматривается как родина демократии, прав человека и свобод. Я ни в коей мере не собираюсь это оспари-

вать. Но разве в Европе не нарушались права и свободы? Разве не из Европы пришел в мир тоталитаризм в его нацистской и коммунистической формах? Разве мы уверены в том, что у нас с правами и свободами дело обстоит лучше, чем в Сингапуре, Ванкувере или на острове Таити? Нет. Тогда в чем же наша особенность как европейцев в отношении свобод, прав человека и демократии?

Возможно в том, что мы ценим все это больше всего на свете. Но если мы все это так ценим, то кто же в Европе нарушает права человека, попирает свободы? Да сами же европейцы и нарушают. В Европе шла и идет такая же борьба за права человека, свободы и демократию, как и во всем остальном мире. Просто в Европе чаще побеждают именно защитники прав и свобод. Чаще, но не всегда и не везде. Это и к Беларуси относится — в истории нашей страны есть место всему: и торжеству свободы, и поражениям. Поэтому к характеристике Европы как обществу демократии, свободы и уважения прав человека стоит отнестись критически. Как только в Европе начинают думать, что уважение прав и свобод — это наша отличительная черта, присущая европейцам как таковым, мы легко теряем и права, и свободы. За все это нужно бороться, никогда не прекращая борьбу.

Может быть, Европу отличает от всего остального мира именно то, что позволяет сторонникам демократии, прав и свобод побеждать чаще? И не только побеждать, но и никогда не прекращать беспокоиться об этом и заботиться о правах и свободах? Размышляя в этом направлении, автор приходит к тому, о чем эта книга, — к переписыванию и переосмыслению истории. К переоценке ценностей как непрерывному процессу обновления культуры. К манифестации одних ценностей, идеалов и героев и ниспровержению других — средствами искусства. К великому значению критики и рефлексии во всех этих процессах.

Мне хотелось показать (не доказать, а просто напомнить), что историю Беларуси можно подать иначе, чем в современных учебниках, а именно — как историю непрекращающейся борьбы за утверждение прав и свобод. Советская история Беларуси писалась

как история борьбы за «воссоединение с братской Россией», постсоветские историки описывали борьбу с той же Россией за независимость. Все это было. В истории можно найти всякое.

Если была борьба — значит, были и те, кто боролся *за* права и свободы, и те, кто боролся *против* них. В принципе, об этом написано и в современных учебниках. Но почему-то из того, как это написано, делается вывод, что беларусская традиция — в руках и свершениях тех, кто подавлял свободы и ограничивал права, а не тех, кто за них боролся и отстаивал. Говоря о переписывании истории, автор не предлагает искажать факты или придумывать их. Нет, только переосмысливать! Об этом стоило бы написать отдельную книгу по методологии исторического мышления. Здесь же намечены только некоторые тезисы.

Мне хотелось показать, что культура является полем деятельности людей, а не заоблачной вселенной, которой безразличны наши дела, поступки и оценки. Культура многообразна, и мы можем брать из нее только малую часть того, что в ней есть, транслировать эту часть в будущее и реализовывать в настоящем. Но если это так, то почему мы не выбираем эту малую часть сознательно? Почему некритично транслируем и реализуем только то, что нам досталось от советского прошлого? В современной Беларуси есть и те, кто отказывается от советского наследия и, принимая какую-то другую часть культуры, транслирует и реализует ее. Может, они правы? Может быть! Но важнее критика и осмысление. Нельзя бессмысленно что-то брать в будущее, а что-то забывать в прошлом. Раз уж мы не можем взять все, следует сконцентрироваться на самом выборе. Размышляя об этом критически и рефлексивно, мы занимаемся переоценкой ценностей. Но если уж запущен процесс переоценки ценностей, то можно ли что-то оставить в стороне; существует ли что-то, не подлежащее переоценке? Если это так, то мы будем непоследовательны. В процессе переоценки бывшие злодеи могут оказаться героями и наоборот, победы обернуться поражениями, а потери — достижениями. Могут! А могут и выдержать критику и проверку.

Но проверять надо, иначе мы так и будем некритично тащить в будущее все, что портило нам жизнь в прошлом.

Культура наполнена ценностями и идеалами. В ней многое сакрализовано, многое демонизировано. Трудно публично подвергать сомнению и критике как святыни, так и демонов. Но от этого никуда не деться. Исторические персонажи были просто людьми своего времени, а героями и святыми, злодеями и грешниками их сделали люди — не только историки, но и писатели, философы, художники, учителя, воспитатели и многие другие.

Последняя задача этой книги — помочь людям разных профессий, специалистам разных дисциплин начать диалог, понять, что они в своей работе порой не соотносят свои действия и поступки с делами и свершениями других. Писатели не должны становиться историками, а историки не должны превращаться в воспитателей. У каждой профессии — свои средства деятельности и свой язык. Как же им договариваться между собой? Профессионалами нельзя командовать извне. Командовать нельзя, но ведь культурные задачи у нас могут быть общими, они тоже приходят к нам извне, а не изнутри каждой профессии и дисциплины.

У нас, беларусов, общая история. Может быть общая. Пока это не так. У части беларусов — история, общая с Европой, у другой части — отдельная от нее.

У нас общая культура. Может быть общая. А пока разные беларусы придерживаются разных традиций.

У нас общее будущее в большой, многонациональной, плюралистической Европе. Общее ли?

Все это может быть нашим общим будущим, если мы договоримся. Собственно, только на это и претендует данная книга — на продолжение диалога. Продолжать говорить, чтобы договариваться. И участниками этого разговора должны быть не только наши современники, но и предки, боровшиеся за европейские ценности и идеалы в нашей стране. У них были свои аргументы, и последним и решающим часто была их собственная жизнь. Но участниками

этого разговора станут и наши потомки. И уже сейчас, на этой стадии разговора о нашем с ними общем будущем, мы должны о них помнить, чтобы им не пришлось категорически отбрасывать наши ценности и идеалы. Переоценивать они их все равно будут, но если мы критически и осмысленно отнесемся к ценностям и идеалам — и своим, и наших предков, то сможем рассчитывать на такое же отношение и со стороны потомков.

Дополнительные ссылки и источники

Грицкевич А. «Частновладельческие города Белоруссии в XVI—XVIII вв.». Минск, 1979.

Беседа с историком Яном Шубанским, http://archive.svaboda.org/programs/atlan/2002/10/20021010130349.asp

Гісторыя Беларусі IX—XVIII стагоддзяў. Першакрыніцы. http://starbel.narod.ru/index.html

Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах (IX—XVIII ст.) / Склад.: Шчарбакоў В. К., Кернажыцкі К. І., Даўгяла Д. І. Т. 1. Менск: Выдавецтва АН БССР, 1936.

Грыцкевіч А. П. Гаштольды // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 2. Беліцк — Гімн / Беларус. энцыкл.; Рэдкал.: Сачанка Б. І. (гал. рэд.) і інш.; Маст. Жакевіч Э. Э.. Мінск: БелЭн, 1994. 537 с.

Акінчыц С. Залаты век Беларусі // http://refarmaciya.com/index.php/2009-12-13-16-13-36/2009-12-22-18-52-35/139

Волан Андрэй. Прадмова да Сената Каралеўства Польскага і Вялікага княства Літоўскага, або якім павінна быць праўленне дабрачыннага караля (1573) // Фрагменты, №10 http://kamunikat.fontel.net/www/czasopisy/frahmenty/10/index.htm